

Удочеряя Америку

Автор:

Энн Тайлер

Удочеряя Америку

Энн Тайлер

«Удочеряя Америку» – пожалуй, один из самых теплых романов Энн Тайлер. Это история о том, что значит быть американцем. Две семьи, которые в обычной жизни никогда бы не встретились, сталкиваются в аэропорту – коренные американцы Дональдсоны и супруги Яздан, иранского происхождения. Обе пары ждут прибытия из Кореи девочек-младенцев, которых они удочерили. Дети прибывают, и первую годовщину взрослые решают отметить вместе. С этого дня семьи встречаются, сближаются, и постепенно их судьбы сплетаются. Роман полон света, нежности, удивительных наблюдений за жизнью. История, рассказанная с двух точек зрения – людей, родившихся и выросших в стране, и людей, приехавших в нее и пытающихся стать здесь своими.

Энн Тайлер

Удочеряя Америку

DIGGING TO AMERICA by ANNE TYLER

Copyright © 2006 by Anne Tyler

Эта книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency and The Van Lear Agency

© 2006 by Anne Tyler,

© Любовь Сумм, перевод, 2018

* * *

1

В восемь часов вечера балтиморский аэропорт был почти пуст. Широкие серые коридоры обезлюдели, газетные киоски темны, кафешки закрыты. Большинство зон ожидания закончили работу, табло над ними погасли, пустые и призрачные тянулись ряды кресел в накопителях.

Но с дальнего конца зала доносился бормочущий рокот ожидания. Посреди коридора кружилась перевозбужденная девочка, вот кто-то из взрослых подхватил ее и унес, хихикающую, отбивающуюся, обратно в зал ожидания. Припозднившаяся женщина в строгом платье почти бежала к зоне прилетов с охапкой роз на длинных стеблях.

Завернув за угол, вы бы наткнулись на сцену, напоминающую званый прием в честь будущего малыша. Весь зал ожидания у выхода, куда прибывал рейс из Сан-Франциско, заполняли люди с розовыми и голубыми свертками – должно быть, подарки, – над головами плыли флотилии серебристых воздушных шаров с надписью «У НАС ДЕВОЧКА!», ниспадали спирали розовых ленточек. Мужчина сжимал ручку коляски-колыбели с нежными оборочками, словно ждал, когда можно будет закатить ее в самолет, неподалеку стояла женщина с прогулочной коляской наготове – сплошь хромированные детали, рукояти сверкают так, что хоть сейчас на автогонки. По меньшей мере полдюжины зрителей были вооружены видеокамерами, у прочих на шее висели фотоаппараты. Одна женщина таинственно и с напором говорила что-то в диктофон. Рядом с ней мужчина прижимал к груди бархатистое детское автомобильное сиденье.

МАМА – гласил значок на плече этой женщины, такие ламинированные значки видишь повсюду в год выборов. Мужчина был ПАПА. Симпатичная парочка, не

такая уж молодая; жена в широких черных штанах и «богемной» черно-белой блузе с геометрическим узором, в коротких ее волосах проглядывала седина; муж – крупный, жизнерадостный, лучащийся улыбкой, светлые волосы колючим ежиком, из просторных бриджей застенчиво выглядывают голые колени. Тут присутствовали не только МАМА и ПАПА, имелись и БАБУШКА с ДЕДУШКОЙ, две пары, полный комплект. Одна бабушка – уютная, растрепанная женщина в хлопковом летнем платье, в бейсболке с платочным узором, другая – стройная, с золотистыми волосами и искусным макияжем, в брючном костюме небеленого льна, лодочки в масть. Дедушки тоже были подобраны в масть: муж растрепанной такой же растрепанной, седую курчавую стружку давно пора постричь, а у золотистой и муж в льняных брюках, в «тропической» рубашке, ярко-желтые волосы хотя бы частично наверняка были его собственные.

Тут же дожидались другие люди, не входившие в эту праздничную группу. Женщина в бигуди, с усталыми глазами; женщина постарше с молодой – возможно, дочерью; отец с двумя детишками, оба уже в пижамах. Эти чужаки стояли с краю, тихие, словно померкшие, время от времени бросая взгляды на МАМУ и ПАПУ. Самолет задерживался. Ожидавшие нервничали. Кто-то из детей с упреком заметил, что на табло по-прежнему светится ПО РАСПИСАНИЮ – это же вранье! Несколько подростков убрели в неосвещенную зону по ту сторону коридора. Маленькая девочка с косичками уснула в пластмассовом кресле. Судя по значку на зеленой клетчатой блузке, КУЗИНА.

И вдруг что-то переменялось. Объявления не было, громкоговорители уже какое-то время глухо молчали, но разговоры постепенно затихли, все сгрудилось у выхода, вытягивая шеи, привставая на цыпочки. Женщина в форме протиснулась сквозь толпу и распахнула дверь. Подоспел носильщик. Вернулись подростки. МАМУ и ПАПУ до той минуты находившихся в самом центре группы, ласково подталкивали вперед, перед ними как по волшебству освобождался проход, чтобы они могли пройти к самой двери.

Первым вышел очень высокий парень, с растерянным видом, какой бывает у человека после долгого перелета. Заприметил мать с дочерью, направился к ним, наклонился, чтобы поцеловать девушку – только в щеку, слишком уж пристально она смотрела мимо него. Она торопливо чмокнула его в ответ и снова уставилась на прибывающих.

Два бизнесмена с кейсами целеустремленно проследовали к терминалу. Подросток с огромным рюкзаком – точно муравей, ухвативший хлебную крошку

не по росту. Еще один бизнесмен. Еще один подросток, этого востребовала женщина в бигуди. Малыши в пижамах вцепились в улыбчивую, пухлощекую женщину, рыженькую.

Пауза. Словно для большей сосредоточенности.

Восточного облика женщина в отутюженном костюме вышла в зал ожидания с младенцем на руках. Девочка пяти или шести месяцев от роду уже довольно уверенно сидела на руках. Пухлое личико, на удивление густые черные волосы шапочкой прикрывали лоб и верхушки ушей. Розовый комбинезон. «Ах!» – выдохнули все, даже посторонние, даже немолодая мать при взрослой дочери (только жених дочери все так же глядел растерянно). Будущая мать вытянула руки навстречу девочке, диктофон повис на обматывавшем ее шею шнурке. Но женщина с младенцем на руках остановилась – неприступно, официально, – выпрямилась и выкликнула:

– Дональдсоны!

– Дональдсоны! Это мы! – отозвался будущий отец. Голос его дрогнул. Он избавился от автокресла, не глядя сунув его кому-то, но держался позади жены, только руку положил ей на спину, словно искал у нее поддержки.

– Поздравляю вас, – сказала восточная женщина. – Вот Джин-Хо.

Она передала младенца в простертые руки матери, затем сняла с плеча розовую сумку с подгузниками и вручила ее отцу. Мать зарылась лицом в нежную шейку. Малышка, все такая же пряменькая, вытягивалась и таранилась на толпу.

– Ах! – твердили вокруг. – Красотка! Куколка настоящая!

Вспышки фотоаппаратов, настойчивое жужжание камер, все сгрудились плотную толпой. У отца глаза на мокром месте, у многих глаза тоже влажные, со всех сторон захлюпали. И тут мать подняла наконец лицо, щеки были мокрые от слез, и сказала отцу:

– Теперь ты ее поддержи.

– Ох, я боюсь, а вдруг я... ты сама, дорогая. А я посмотрю.

Восточная женщина энергично перебирала стопку бумаг. Пассажиры продолжали выходить, обтекая ее и маленькую семью, окруженную друзьями и доброжелателями, чуть не спотыкаясь о многочисленные детские причиндалы. К счастью, самолет прибыл полупустым. Пассажиры выходили словно толчками: мужчина с тростью, пауза, парочка пенсионеров, пауза... Потом еще одна восточного облика женщина, помоложе первой и попроще, тревожно и будто виновато оглядывавшаяся по сторонам. Она тащила переноску для младенца, в форме корзины, и легко было догадаться, что ребенок весит совсем мало. Тоже девочка, судя по розовой футболке, но мельче первой, желтушная, сморщенная, тоненькие пряди черных волос упали на лоб. Она, как и доставившая ее молодая женщина, с тревожным интересом оглядывала толпу, настороженный взгляд черных глаз быстро метался от одного лица к другому. Молодая азиатка произнесла что-то вроде: «Яз-дун?»

– Яздан, – откликнулась с дальнего края зала женщина. Так, точно исправляла неверное произношение. Толпа вновь расступилась, люди не очень понимали, в какую сторону податься, но старались помочь, и три человека, на которых до сих пор никто не обращал внимания, вышли вперед, гуськом друг за другом: довольно молодая, иностранного вида парочка – оливковая кожа, красивые лица, а замыкающей – стройная женщина постарше, блестящие черные волосы уложены узлом на затылке.

Должно быть, это она откликнулась на призыв, и теперь повторила тем же ясным и отчетливым тоном:

– Это наш ребенок. Яздан. – Слабый след акцента в смазанном «р».

Молодая женщина обернулась к ним, неуклюже приподняла переноску.

– Поздравляю. Это Соуки, – сказала она так тихо, словно ей не хватало воздуха, даже стоявшие рядом начали переспрашивать друг друга: «Что? Как она сказала?» – «Соуки, мне кажется». – «Соуки! Очень мило!»

Долго возились с постромками, удерживавшими девочку в переноске. Это пришлось сделать новоиспеченным родителям, поскольку у сопровождающей были заняты руки. Родители суетились, им не хватало опыта. Мать негромко

смеялась, запрокидывала голову, отбрасывая на плечи водопад крашенных хной волос, отец прикусил губу, досадовал на себя. Его маленькие, очень чистенькие очки поблескивали, когда он, изгибаясь то так, то эдак, воевал с пластмассовым зажимом. Бабушка – вероятно, это была бабушка – сочувственно цокала языком.

Наконец малышку высвободили. Какая же она была крошечная! Отец извлек девочку, неуклюже, руки чересчур напряжены, и передал матери, та подхватила ее, покачала, прижалась щекой к перышкам черных волос. Малышка изогнула брови, но не отстранилась. Зрители снова зашмыгали носами, отец снял очки и протер линзы, но мать и бабушка с сухими глазами знай себе улыбались да ворковали. На окружающих они не обращали никакого внимания. Кто-то спросил: «Ваша тоже из Кореи?» Женщины не ответили, и только отец пробормотал: «А? Да-да, оттуда».

– Слышите, Битси, Брэд? Еще одна корейская малышка!

Мама из первой семьи оглянулась – она уступила обеим бабушкам место для тщательного осмотра – и сказала:

– В самом деле?

Муж эхом:

– В самом деле! – Шагнул ближе ко второй паре родителей, протянул руку: – Брэд Дональдсон. А это моя жена Битси.

– Рад знакомству, – сказал второй отец. – Яздан. Сами Яздан. – Он пожал Брэду руку, но незаинтересованность его была почти комической: он не мог оторвать глаз от дочери. – Э... моя жена Зиба, – добавил он мгновением позже. – Моя мать Мариам.

Он говорил с обычным балтиморским акцентом и только имена женщин произнес так, как никогда бы не сумел американец: Зии-бА, Марь-Ям. Его жена и головы не повернула. Она держала на руках младенца, бормоча что-то вроде «сю-сю-сю». Брэд Дональдсон приветливо помахал ей рукой и вернулся к своему семейству.

Прежде чем официальная передача детей завершилась – обе азиатки выполняли процедуру медленно и педантично, – приверженцы Дональдсонов начали рассеиваться. Очевидно, они планировали еще какое-то мероприятие, окликались друг друга – «увидимся дома», – продвигаясь в сторону терминала. Наконец освободились и родители. Битси шагала впереди, женщина везла за ней коляску, словно фрейлина за королевой (разумеется, никакая сила не заставила бы мать выпустить из рук драгоценного младенца). Брэд вразвалку шагал следом, потом еще несколько задержавшихся спутников, а в самом хвосте – Язданы. Один из дедушек Дональдсонов, тот, что растрепанный, приостановился и обратился с вопросом к Язданам:

– А вы долго ждали вашу малышку? Большая куча бумаг, собеседований...

– Да, – кивнул Сами, – очень долго ждали. – Он оглянулся на жену. – Порой казалось, это никогда не сбудется, – признался он.

Дед прищелкнул языком:

– Мне ли не знать! Господи, через что Битси с Брэдом прошли.

Они миновали одинокого охранника, сидевшего на стуле, и спустились на эскалаторе – все, за исключением мужчины с коляской-корзиной. Ему пришлось ехать на лифте. Но женщина с прогулочной коляской не уstraшилась – ловко приподняла перед коляски и без колебаний ступила на движущуюся ленту.

– Послушайте! – окликнул Брэд Язданов уже с нижнего уровня. – Не хотите поехать с нами? К нам домой, отпраздновать.

Но Сами так сосредоточенно помогал жене шагнуть на эскалатор, что не ответил, и Брэд вновь махнул рукой в присущей ему дружественной, без настойчивости, манере.

– Ну, в другой раз, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. И поспешил вслед за остальными.

Двери раздвинулись, Дональдсоны хлынули наружу. Парами, по трое, по четверо они устремились на парковку, а вскоре вышли и Язданы, остановились на

тротуаре и застыли неподвижно, как будто привыкая к жаркой и влажной, слабо подсвеченной, пропахшей бензином ночи.

15 августа 1997 года. День Прибытия.

2

Порой, поглядывая на свою маленькую новенькую внучку, Мариам Яздан чувствовала слабое, легчайшее головокружение, словно попадала в альтернативную вселенную. Все в этом ребенке было немыслимо совершенным. Идеально чистая кожа цвета слоновой кости, волосы настолько тонкие, что Мариам почти не ощущала их под своими пальцами. Глаза – арбузные семечки, очень черные, точно и аккуратно прорезанные на маленьком серьезном личике. Весила она так мало, что Мариам порой нечаянно поднимала ее слишком высоко. А ручки! Крошечные ручки с подогнутыми пальчиками. Морщинки на суставах цвета халвы (так удивительно, у малышки уже есть морщинки), ноготки размером с зернышко.

Ее назвали Сьюзен. Выбрали имя, похожее на то, с каким она прибыла, Соуки, но удобное в произношении и для иранцев.

– Сьюзен! – распевала Мариам, входя к малышке после дневного сна. – Сью-Сью-Сью!

Сьюзен выглядывала из-за прутьев манежа, она сидела идеально ровно, обхватив каждую коленку ладонью, сосредоточенная, полностью контролирующая себя.

Мариам присматривала за малышкой по вторникам и четвергам – в эти дни невестка работала, а Мариам нет. Она приезжала к детям примерно в полдевятого, чуть задерживалась, если попадала в пробку. (Сами и Зибя жили в Хант-Велли, более получаса езды от города в час пик.) К ее приходу Сьюзен уже сидела в высоком стульчике, завтракала. Она радостно вспыхивала и издавала приветственные звуки, стоило Мариам войти в кухню. «Ах!» – чаще всего произносила она, совсем не похоже на «Мари-джан», как ее приучали называть

бабушку, и улыбалась – чудесная застенчивая улыбка, губы сжаты – и подставляла щеку для поцелуя.

Нет, конечно, это началось не в первые недели. Первые недели были сплошным кошмаром, родители из кожи лезли вон, вопили: «Сюзи-джан!» – трясли перед носом у девочки игрушками, только что не танцевали с ней на руках. А она тарасилась на них или хуже того – тарасилась в пространство, извивалась, пытаясь высвободиться, упорно впиралась взглядом в какую-то неподвижную точку. Из бутылочки она отказывалась выпить больше одного-двух глотков, а когда просыпалась ночью – по нескольку раз каждую ночь, – принималась рыдать, и все старания родителей ее утешить только усиливали этот безнадежный плач. Мариам говорила им, что это естественно. По правде сказать, ничего она такого не знала, но им говорила: «Девочка из детского дома! Чего же вы ждали? Она не получала там внимания».

– Джин-Хо тоже из детского дома. А ведет себя совсем иначе, – возражала Зиба.

Они знали все подробности о Джин-Хо: ее мать позвонила им через две недели после Прибытия.

– Надеюсь, вы не рассердитесь на меня за то, что я вас разыскала, – сказала она. – Вы единственная семья по фамилии Яздан во всем справочнике, и я не устояла перед желанием позвонить и узнать, как дела.

Джин-Хо, судя по ее словам, адаптировалась – лучше и желать нельзя. Спит всю ночь напролет, громко смеется, когда с ней играют в «Вот как, вот как леди скачет», а заслышав, что микроволновка включилась, перестает требовать бутылочку и ждет. А ведь она младше Сьюзен! Ей всего пять месяцев, а Сьюзен семь, хотя она и помельче. Должно быть, Язданы что-то делают неправильно?

– Нет-нет, – уверяла Мариам. Слегка подправляя сюжет, она говорила: – Это хорошо, что Сьюзен грустит. Значит, на родине о ней хорошо заботились и теперь она скучает. Вы же не хотели бы, чтобы малышка оказалась бессердечной, беспамятной? А так мы знаем, что у нее добрая душа.

Она сама хотела бы в это верить.

И так оно и оказалось, благодарение небесам. Однажды утром Зиба вошла в детскую – и Сьюзен приветствовала ее улыбкой. Зиба так разволновалась, что кинулась звонить Мариам, хотя был вторник и Мариам должна была вот-вот подъехать; Зиба позвонила и своей матери в Вашингтон, а потом женам братьев в Лос-Анджелес. Как будто в голове Сьюзен щелкнул выключатель – она улыбнулась и Мариам, когда та вошла, и улыбка ее сразу была очаровательным пухлым полумесяцем. Видишь эту улыбку и чувствуешь, будто у тебя с девчушкой есть радостная тайна на двоих. Прошла еще неделя, и она смеялась ужимкам отца, беспробудно спала до утра и полюбила печенье «Чириос», упорно собирала крошки изящными пальчиками-пинцетами.

– Я же говорила! – твердила Мариам.

Да, она была оптимисткой. Или нет, пожалуй, все же пессимисткой. Но жизнь помотала ее по ухабам, и Мариам смотрела в лицо потенциальным катастрофам более философски, чем большинство людей. Ей пришлось расстаться с родителями, когда ей не было и двадцати, она овдовела, не дожив до сорока, вырастила сына одна, в стране, где так и осталась чужой. Но в глубине души она считала себя счастливой. Была уверена: если что-то пойдет вкривь и вкось, а такое, разумеется, случалось, она справится.

Теперь она угадывала то же самое свойство в Сьюзен. Можете считать это женскими выдумками, если угодно, только она ощутила глубокую связь с малышкой в ту самую минуту, как впервые увидела ее в аэропорту. Порой ей чудилось и внешнее сходство с девочкой, но тут уж Мариам сама себя высмеивала, и все-таки что-то в глазах, в манере смотреть на все вокруг – взгляд наблюдателя – их роднило. Они обе не вполне свои в этом мире.

Вот ее сын принадлежит здешнему миру целиком и полностью. У него и акцента нет, он с четырех лет отказался говорить на фарси, хотя на слух язык понимает. У невестки акцент остался, и довольно заметный: Зиба перебралась в Америку со всей семьей, когда уже заканчивала школу, но она стремительно, с восторгом натурализовалась, бесконечно слушала радио «98-Рок», болталась в торговом центре, запихивала щуплую, костистую, вовсе не американскую фигурку в синие джинсы и мешковатые футболки с надписями. Теперь уж она выглядит как урожденная американка. Почти.

Зиба отправлялась по делам когда желала: она занималась оформлением интерьеров и сама назначала клиентам время. Частенько она при Мариам еще

битый час слонялась по дому. Уже одетая по-рабочему (правда, со стороны не поймешь, все те же джинсы, разве что дополненные блейзером и туфлями на каблуках) – и никак не могла оторваться от Сьюзен.

– Что скажете? – теребила она Мариам. – У нее зубик новый лезет – или я ошибаюсь? Тонкая белая полосочка на деснах – видите?

Или уже возьмет ноутбук, снимет мобильный с зарядки, и вдруг:

– О! Мариам! Чуть не забыла! Посмотрите, как она играет в пикабу!

Мариам внутри так и кипит, скорее бы заполучить свое дитя. «Иди уж! Иди!» – мысленно торопит невестку. Но улыбается и молчит. Наконец Зиба уходила по делам, и Мариам подхватывала Сьюзен на руки, неслась в игровую комнату. «Моя, вся моя!» – ворковала она, и девочка хихикала, словно понимала. Оставаясь с ребенком наедине, Мариам чувствовала себя увереннее. Детоводство так сильно изменилось с тех пор, когда она растила сына, – бесконечные списки запрещенных лакомств, тальк и детское масло изгнаны, а с ними подушки и мягкие прокладки на стенках колыбели, – в присутствии Зибы Мариам подчас ощущала себя некомпетентной. При Зибе она ходила на цыпочках – как ее собственная мать, понимала она теперь, когда та приехала к ней в Америку. Мать привезла медаль-талисман, хотела повесить на шею Сами золотую монетку с именем Аллаха, размером с десятицентовик, – двухлетка проглотил бы ее в мгновение ока, если бы Мариам не уговорила спрятать оберег, пока мальчик не подрастет. А еще мать закармливала ребенка липкими сладостями на розовой воде; они портили зубы, и Сами давился, когда они застревали в горле, так что Мариам решительно закрыла коробку и унесла ее в кладовую.

Под конец визита мать целыми днями просиживала перед телевизором, хотя едва ли понимала хоть слово. Теперь Мариам со стыдом вспоминала стоическую позу матери, руки, неподвижно сложенные на коленях, взгляд, приклеившийся к рекламе сигарет «Кент». Она поспешила отмахнуться от этого образа. Сказала: «Зайчик-попрыгайчик, Сюзиджан! Посмотри!» – и протянула девочке маленькую, плотно набитую зверюшку, та еще и позванивала, если встряхнуть.

И Сьюзен в синих джинсах. (Подумать только, шьют джинсы даже на таких крошек.) Сверху футболка с длинными рукавами в красно-белую полоску,

сгодилась бы и для мальчика. Красные носки с не-скользящей подошвой. Носки – нововведение, до холодов Сьюзен разрешалось ходить босиком, и носки ей не понравились. Она стаскивала их с ног, квакала торжествующе, и Мариам, усадив ее себе на колени, снова натягивала носки. «Озорница!» – бранила она малышку, и та смеялась. Стоило спустить ее на ковер, она тут же занималась любимой своей игрушкой, ксилофоном, энергично стучала по нему всем, что попадало под руку. Она еще не ползала – действительно отставала в физическом развитии, предыдущая приемная семья тому причиной, как полагала Мариам, – но уже присматривалась к такой возможности.

Будь на то ее воля, Мариам наряжала бы малышку иначе. Подобрала бы девчачьи одежды, белые колготки, свитер-трапецию, блузки с кружевом. Это же одно из главных удовольствий от девочки (о, как она мечтала родить второго ребенка после Сами – девочку). Сама она одевалась с величайшим тщанием, даже чтобы провести день с малышкой. Да, она тоже носит брюки, но изящные, шитые на заказ, свитер переливающихся оттенков, хорошую обувь. Она регулярно закрашивает седину, хотя предпочитает, чтобы этого никто не знал, и закрепляет шиньон гребнями из черепахового панциря или шарфом с ярким узором. Как ты выглядишь – не все равно. Мариам была в этом убеждена и не собиралась менять свое мнение. Пусть американцы рассекают повсюду в тренировочных костюмах. Она-то не американка.

– Не американка? Загляни в свой паспорт! – не раз советовал ей Сами.

Она отвечала:

– Ты знаешь, о чем я.

Она остается тут гостьей, вот что она имела в виду. Навеки гостя, а потому старалась вести себя как можно лучше. Может быть, живя в Иране, она бы позволила себе небрежность. Нет, она бы, конечно, распускаться не стала, к чему такие крайности, но дома могла бы ходить в халате, как мама и тетушки. Или нет? Она даже вообразить не могла, как обернулась бы ее жизнь, если бы она не уехала в Балтимор.

Сьюзен начала отказываться от утреннего сна. Уложишь ее – может быть, заснет, а может, и нет, и Мариам, ожидая, как выйдет на этот раз, читала газету, листала журнал, делала что-то, не требующее сосредоточенности. Если и через

полчаса девочка подавала голос, Мариам вынимала ее из кровати. Они снова проходили через обряд приветствия: Сьюзен: «Ах», Мариам: «Сью-Сью-Сью». Потом Мариам меняла Сьюзен подгузник и вывозила на прогулку.

Тротуаров здесь не было. Как это? – поражалась Мариам. Выстроили целый квартал, длинные изогнутые улицы с огромными новыми, с пылу с жару, домами, у домов сводчатые окна в два этажа, входная дверь удвоенной ширины, гараж на три машины – и никому не пришло в голову, что тут люди будут гулять? И деревьев нет, если не считать понатыканные в каждом дворике жалкие веточки (дворики миниатюрные, почти всю землю заняли дома). Пока стояла жара, Мариам предпочитала оставаться с девочкой дома, ведь за дверью не найти и полоски тени, от асфальта жаром так и пышет. Но с наступлением осени хотелось больше бывать на солнце. Теперь Мариам растягивала прогулки до обеда, обходя гладкие, однообразные и пугающе пустынные улицы Фокс-фут-Акрс. На ходу она комментировала: «Машина, Сьюзен! Видишь машину? Почтовый ящик! Видишь почтовый ящик?»

Иногда встречались белки, собаки, которых выгуливали на поводках, детки – в больших колясках и в прогулочных. Так много можно показать девочке.

Обедала Сьюзен детским пюре, Мариам – салатом. Затем Сьюзен недолго играла в гостиной, примыкавшей к кухне, а Мариам мыла посуду, после – бутылочка и сон, на этот раз уже достаточно долгий, Мариам успевала что-нибудь приготовить Сами и Зиббе на ужин. Не то чтобы они этого от нее ожидали, но ей всегда нравилось готовить, а Зиббе, как выяснилось, не особо. Если молодых предоставить самим себе, они перейдут на постные полуфабрикаты.

Пока рис булькал, Мариам прибирала в доме. Складывала игрушки Сьюзен в ящик, выносила на помойку пакет с использованными подгузниками. Складывала по порядку газеты и журналы, но никогда не выбрасывала ни клочка бумаги, даже рекламу пиццы, опасаясь нарушить чужие правила.

Снова ей вспомнилась мать – как она с трудом нагибается, поднимает фантик от жвачки и молча, чуть ли не с почтением кладет в пепельницу на журнальном столике.

Этот дом был так же велик, как все по соседству, для каждого занятия отдельная комната – не только гостиная, но и комната для спортивных

упражнений, и компьютерная, в обеих пол от стены до стены respectable, почти белого, но не совсем, оттенка. Персидских ковров тут не увидишь, но о том, что здесь живут иранцы, можно догадаться по подаркам, которые хранятся в парадном буфете столовой, – исфаханские кофейные сервизы, стаканы для чая в серебряной оправе. Игровую комнату принялись набивать игрушками, едва получили из агентства фотографию Сьюзен. Детскую подготовили еще раньше – и кроватку, и комод, и пеленальный столик приобрели еще тогда, когда Зиба впервые попыталась забеременеть. Мать сказала бы, что, готовясь так заранее, они сами себя и сглазили. «Разве я вас не предупреждала?» – повторяла бы она из месяца в месяц, каждый раз, когда Зиба терпела очередное поражение. Мариам же советовала Зибе не переживать: со временем все произойдет само собой. «Будет у вас ребенок! Полный дом детей будет! – говорила она. И даже рассказала, как сама долго ждала первенца: – Пять лет мы старались, пока не родился Сами. Я была в отчаянии».

Немалая решимость требовалась от Мариам, чтобы в таком признаться. Откровенное упоминание о том, как они «старались», – так нескромно. Она была поражена, когда Зиба заговорила о своих попытках. Не очень-то приятно думать о сексуальной жизни собственного сына, хотя, разумеется, Мариам понимала, что сексуальная жизнь у него была. Кроме того, родственников она прежде уверяла, будто пятилетняя отсрочка была умышленной. Приехав домой через три года после свадьбы, она парировала коварные вопросы похвальбой – она-де независимая женщина и погодит еще обременять себя детьми. «Я учусь в университете, я записалась в группу жен при больнице...» На самом-то деле она мечтала о ребенке с первого дня: о том, что, как ей представлялось, станет якорем в новой стране.

Теперь она словно видела себя в тот первый визит домой: одежда тщательно подобрана по «западным» правилам, модные облегающие шмотки пронзительно-розового и ядовито-зеленого цвета или вовсе лилового, волосы уложены высокой налакированной башней, ноги втиснуты в узконосые туфельки-стилеты.

Мариам поежилась при воспоминании о том, как автоматически решила, будто неудачные попытки Зибы забеременеть были именно неудачами Зибы. Когда же выяснилось, что причина в Сами, это оказалось неожиданным ударом. Вероятно, свинка, сказали врачи. Свинка? Сами никогда не болел свинкой. Или болел? Могло ли так случиться, чтобы она об этом не знала? В университете, вдали от дома, и он постеснялся заговорить об этом с ней, с женщиной?

Ему было всего четырнадцать, когда умер его отец, – отрочество лишь начиналось, темный пушок обметал верхнюю губу, голос ломался. Она тогда сомневалась, сумеет ли в одиночку провести сына через эту пору. Ведь Мариам так мало знала о мужчинах: отца она лишилась в детстве, никогда не дружила с братьями – они успели вырасти еще до ее рождения. Если б только Киян пожил дольше, хотя бы еще пять-шесть лет, пока Сами не сделался мужчиной!

Правда, теперь она уже не была уверена, что Киян так уж хорошо разобрался в процессе взросления мужчины-американца. Но если бы он был жив, если б радовался теперь вместе с ней внучке! Только это и печалило Мариам с тех пор, как появилась Сьюзен. Она воображала, как они бы сейчас сидели с внучкой – вдвоем. Улыбались бы друг дружке, переглядываясь над головой малышки, дивясь ее надутым губкам, бровям в ниточку и тому, как пристально она изучает добытую на ковре пушинку. Киян бы как раз вышел на пенсию (он был на девять лет старше Мариам). У них было бы еще так много времени, чтобы насладиться этой порой жизни.

Мариам вернулась на кухню, сняла рис с плиты и ловко откинула на дуршлаг. К тому времени, как Зиба вернется с работы, Сьюзен проснется и будет тянуть из поильника яблочный сок, полагающийся после сна, или уже доберется до ящика с игрушками и примется выбрасывать из него все, что Мариам убрала. Зиба подхватит девочку на руки, даже не сняв парадный блейзер: «Повеселилась с Мари-джан, Сью-Сью? По мамочке не соскучилась?» Они деликатно потрут носами – острый клюв Зибы о плоский пирожочек Сьюзен. «Думала, мамочка никогда не придет?» Она говорила с девочкой только по-английски, сказала, что не хочет сбивать ее с толку. Мариам думала, что порой невестка сама будет сбиваться, но Зиба героически преодолевала самые сложные слова, проталкивала между зубами th и справлялась с двойными согласными в начале слова, хотя и вставляла перед ними призвук «э». (На удивление, Мариам гораздо лучше понимала отрывистую речь Зибы, чем легкий и стремительный поток слов Сами.)

Мариам выносила в коридор свою сумочку, надевала замшевую куртку.

– Не уходи! – говорила Зиба. – Какая спешка? Позволь мне сделать чай.

Чаще всего Мариам отказывалась. Прощальные указания – подогреть обед, был звонок от дантиста, – воздушный поцелуй в сторону Сьюзен, и она за дверь. Мариам старалась быть идеальной свекровью. Не надоедать Зибе.

Вернувшись домой, она какое-то время отдыхала, развалившись в любимом кресле, – наконец-то одна, свободна, можно расслабиться и снова стать собой.

Мама Джин-Хо позвонила в октябре и пригласила их всех на ужин. Позвонила она в тот день, когда за малышкой присматривала Мариам, та и ответила на звонок.

– И вы тоже приходите, – сказала Битси. – Только мы и вы, две наши семьи. Думаю, девочкам надо познакомиться, как вы считаете? Чтобы сохранить их культурную идентичность. Я и раньше хотела вас позвать, но то одно, то другое... Очень, очень ранний ужин, в воскресенье во второй половине дня. Сначала мы будем сгребать листья.

– Сгребать?.. – переспросила Мариам.

Может быть, это какая-то идиома, означающая знакомство, сближение? Разбивать лед, строить мосты, съесть сколько-то соли, сгребать листья... Но Битси уже пустилась в объяснения:

– У нас все еще остались вязы, вы не поверите, и они всегда первыми избавляются от листьев. Мы решили устроить большую веселую вечеринку – будем сгребать листья, а девочки пусть поваляются на кучах.

– А! Да, хорошо. Вы очень любезны, – сказала Мариам.

Ей нравилось, как Битси называет малышей: «девочки». Это помогало ей представить Сюзен в будущем, в гольфах, в гофрированной юбке, под руку с задушевной подругой.

Разумно было бы поехать на сгребание листьев на двух машинах. Дональдсоны жили в Маунт-Вашингтоне, Мариам – довольно близко от них, к югу, в Роланд-парке (пусть и в «неправильной части» Роланд-парка, но и тут было вполне приятно, только дома поменьше и их ряды поплотнее). Сами и Зиба ехали с севера, то есть, чтобы добраться до Мариам, проезжали мимо Дональдсонов, но все равно они решили заехать за ней. Мариам подозревала, что Зиба нуждается в моральной поддержке, у нее случались время от времени приступы неуверенности в себе. И точно, когда они подъехали – Мариам ждала у калитки,

чтобы не задерживать, – Зиба выскочила из машины и предложила зайти ненадолго в дом, иначе, мол, они приедут слишком рано. «Рано?» – переспросила Мариам и сверилась с часами. 3.55. Они были приглашены к четверем, ехать примерно пять минут. «Мы не рано», – сказала она, однако Зиба уже отстегивала Сьюзен от автомобильного кресла. Сами вылез с водительского сиденья и пояснил:

– Зиба утверждает, что в Балтиморе четыре часа – это десять минут пятого.

– Только не когда в гости приглашена лишь одна семья, – возразила Мариам. Она в свое время тоже подробно изучала местные обычаи.

Но Зиба подхватила Сьюзен на руки и направилась к дому. Одевалась она в старые вещи, как раз чтобы сгрести листья, в джинсы и мешковатую розовую водолазку, но явно уделила немало внимание прическе и макияжу. Огромный конский хвост на затылке торчал почти горизонтально, такой курчавый, что преодолевал гравитацию, а губы двухцветные – розовый блеск обведен темной, почти до черноты, красной линией.

– Прекрасно выглядишь, – сказала ей Мариам. Сказала от души. Зиба и в самом деле очень красивая молодая женщина.

А как хорош собой Сами! Ему достались отцовские точеные губы, густые брови. Почему-то стариковские очки без оправы его молодили, воротник клетчатой фланелевой рубашки по-мальчишески оттопыривался сзади.

– Десятью минутами раньше, десятью минутами позже, велика разница? – поддразнил он мать. Расцеловал ее в обе щеки. – Смотри, какая у Сьюзен рабочая одежда.

Сьюзен нарядили в синий джинсовый комбинезон, убедительно потертый на коленях, под ним легкая рубашка цвета индиго, на кармане курточки, тоже из синей джинсы, нашивка – трактор.

– Ты готова сгрести с нами листья! – похвалила Мариам девочку, забирая ее у Зибы.

– Мы возьмем бутылку вина, – сказала Зиба. – Как думаете? Или это неправильно? Еще белый день, но раз мы остаемся на ужин...

– Вино – в самый раз, – ответила Мариам, покачивая Сьюзен на бедре. – Обязательно привезти к ужину вино. Ведь так, Сьюзи-джан?

Сьюзен заговорщицки улыбнулась ей.

– Войдем в дом, присядем? – предложила Зиба.

– Зачем? Нам уже пора, – возразил Сами. – Ведет себя так, словно это какое-то великое событие, – подмигнул он матери, а затем обратился к Зибе: – Разве мы редко ходим в гости? Что особенного сегодня?

– Но эти люди старше всех наших друзей, – сказала Зиба. И пояснила для Мариам: – Битси уже сорок. Она сказала, когда мы говорили по телефону. Она ткет, а раньше преподавала йогу, и пишет стихи и... ох, о чем только мы будем с ней говорить? – жалобно закончила она.

– О детках, – ответила Мариам.

– А! – просияла Зиба. – О детках!

– Разве мы говорим о чем-то другом в последнее время? – спросил небеса ее муж.

– Дональдсоны оставили девочке ее корейское имя – навсегда, – сообщила Зиба.

– Джин-Хо Дональдсон, – попробовала на слух Мариам. Звучало своеобразно. «Дональдсон» вроде бы такое американское-американское имя – или дело в том, что похоже на «Макдоналдс»?

– Джин-Хо Дикинсон-Дональдсон, – уточнила Зиба.

У Мариам так челюсть и отвисла. Сами засмеялся. Потом сказал:

– Ладно, ребята, ровно четыре. Пора в путь.

Зиба повернулась и пошла за ним к машине, однако как-то неуверенно, и Мариам это отметила. Как обычно, женщины церемонно поспорили, кому какое место занять.

– Садитесь, пожалуйста. – Зиба указала на переднее сиденье, но Мариам ответила:

– Мне больше нравится сзади. Рядом со Сьюзен. – И она передала девочку Зибе, потому что та быстрее управлялась с автомобильным креслом, а сама обошла автомобиль и скользнула на сиденье.

Сами сильно отодвигал водительское кресло, так что колени Мариам упирались в спинку, но это не казалось ей неудобством. Она правду сказала, ей больше нравилось на заднем сиденье. Как неловко было бы занимать почетное сиденье, по примеру собственной свекрови! А так ей казалось, будто она вновь сделалась ребенком, сестренкой Сьюзен, раскачивалась с ней из стороны в сторону, когда Сами поворачивал.

Дом Дональдсонов оказался ветшающим колониальным особняком, обшитым белой вагонкой, стоял он на одной из самых узких улиц Маунт-Вашингтона. Расползшийся, заросший двор по колено был завален желтыми листьями, они громко шуршали, когда Язданы пробирались по дорожке к дому; на крыльце полным-полно велосипедов, высоких сапог, садового инвентаря. Дверь отпер Брэд в вельветовых штанах и шерстяной рубаше, плотно обтягивавшей пузо.

– Эй, привет! – заговорил он. – Добро пожаловать. Рад вас видеть. – И пощекотал Сьюзен под подбородком. – Детеныш-то округлился чутка. В аэропорту она мне малость тощей показалась.

– Пятнадцать фунтов и три унции при последнем визите к врачу, – отчиталась Зиба.

– Пятнадцать? – нахмурился он.

– И три унции.

– Видимо, будет из маленьких, изящных девиц, – подытожил он.

А Джин-Хо вырастет великаншей, решила Мариам при виде малышки, оседлавшей талию Битси. Плотненькая, упитанная, прямо-таки цветущая, щеки пухлые, глаза яркие, веселые. А прическа та самая, с какой прибыла, – квадратом и похожая на шапочку. И хотя на нее тоже натянули вельветовые брюки, сверху облачили в стеганую многоцветную одежду с полосатыми рукавами и черным шелковым кушаком. Как на картинках из интернета, припомнила Мариам, которые они рассматривали, когда Сами и Зибя изучали Корею.

– Выросла, правда? – спросила Битси, слегка приподнимая Джин-Хо для обзора. – Штаны рассчитаны на полтора года! Нам пришлось переложить ее в настоящую кроватку через неделю после Прибытия.

Сама Битси надела свитер в черно-белую полоску и черные слаксы, на ногах – беговые кроссовки с подсветкой. В ее простоте Мариам чудилось что-то агрессивное – такой откровенный отказ от косметики, коротко подрубленные волосы, угловатое тело, торчат кости. Она словно заявление какое-то делала таким своим обликом. Рядом с ней Зибя казалась яркой, гламурной – но и чуточку безвкусной.

Они посидели несколько минут в гостиной, дожидаясь бабушек и дедушек Джин-Хо, – позвали обе пары, предупредила Битси, и больше никого, никаких дядей, тетя и кузин с кузенами, потому что в большой толпе девочки могут растеряться. Пока что они казались невозмутимыми – сидели себе на плетеном коврике и занимались каждая своим делом: Джин-Хо складывала в игрушечный мусоровоз кубики с буквами, а Сьюзен пыталась вытащить колокольчик из деревянной погремушки. Сьюзен такая милая, такая сосредоточенная, пальчиками двигала так ловко – Мариам подумала, Дональдсоны могут, пожалуй, и позавидовать немного.

Битси и Зибя пустились обсуждать непереносимость лактозы. Битси видела причину в конфликте культур, ведь азиатские традиции не предполагают потребления такого количества молока. Неудивительно, что у Джин-Хо случается расстройство желудка.

– А Сьюзен? Или... – Тут Битси вдруг смутилась. – Или у вас тоже не принято пить молоко? – уточнила она.

– Сьюзен пьет, – сказала Зибя, – и пока все в порядке.

– Может, вам бы лучше перейти на соевое молоко. Соя больше соответствует культурно.

– О, может быть, я и правда попробую, – вежливо согласилась Зибя.

Мариам на ее месте спросила бы, зачем это нужно. Ведь Зибя только что сказала, что у Сьюзен нет проблем с молоком.

Гостиная Дональдсонов выглядела симпатично, без лишних усилий угодить. Сквозь незанавешенные окна струились солнечные лучи, мебель была старая, но качественная, возможно, передавалась из поколения в поколение. Брэд развалился в кожаном кресле, которое поскрипывало при каждом его движении. Сами опустился в старинную качалку и оказался сантиметров на пятнадцать ниже хозяина. Он кивал, слушая, как Брэд расписывает радости отцовства.

– По воскресеньям мы с Джин-Хо отправляемся за круассанами и «Нью-Йорк таймс», – рассказывал Брэд. – Это для меня лучшее время за всю неделю. Обожаю! Только я и моя малышка – вместе. А вы так делаете со Сьюзен? Ходите с ней вдвоем поразмяться?

Мариам знала: пока что Сами не доставало отваги для таких вылазок, но он не хотел в этом признаваться. Поглядывая на Брэда снизу – эта позиция придавала ему трогательно-скромный вид, – он сказал:

– Я собираюсь купить коляску-велосипед.

– Коляску-велосипед! Великое изобретение. У парня дальше по улице есть такая. Я выясню, что за марка. Это и для вашей жены пригодится – хорошо для Зеебы. Сможет почаще выбираться из дома.

«Зееба», так он произнес, почти «зебра», и оглядел ее с головы до ног.

Американских мужчин Зибя завораживала. Занятно, подумала Мариам, что и

Брэд, хотя выбрал себе жену местного розлива, тоже не устоял.

Два набора дедушек-бабушек прибыли почти одновременно, сначала родители Битси, по пятам за ними – родители Брэда. Родители Битси были крупные, седые, дружелюбные, Дэйв в вельвете, будто обычный работяга, Конни в спортивном костюме и в той же кепке с узором, что и в аэропорту. Родители Брэда, позолоченного оттенка блондины, в утепленных бархатистых костюмах под стать друг другу, выглядели более церемонно. Их звали Пэт и Лу. Мужчина Пэт, а женщина Лу – или наоборот? Мариам так и знала, что запутается.

Несколько минут все четверо исполняли вокруг девочек танец бабушек-дедушек. Восхищались стеганым верхом Джин-Хо, Конни даже знала его иноземное название, мило знакомилась со Сьюзен. «Миниатюрка!» – пропела мать Брэда, а Дэйв тут же подхватил девочку на руки. Но Сьюзен благополучно справилась с ситуацией – вцепилась в курчавую седую бакенбарду и принялась тянуть, серьезная-пресерьезная, только бровки хмурила, пока Дэйв хихикал.

– Видите, Джин-Хо намного смуглее Сьюзен, – отметила Зибя. – Мы думаем, отец Сьюзен, может быть, белый.

– Да-да, ты маленький беленький зубик, – сообщил Дэйв Сьюзен, но Битси резко перебила:

– О, право! Нам не следует обращать внимание на такие вещи, в самом деле!

Все смолкли. Зибя покосилась на Мариам, как бы спрашивая: «Да почему же нельзя?» – а Мариам в ответ слегка пожала плечами. Наконец Брэд сказал:

– Так что, все готовы к битве с листьями?

Судя по количеству граблей, прислоненных к крыльцу, Мариам догадывалась, что Дональдсоны проводили такие мероприятия и раньше. Она бы никогда не стала устраивать такое сама (листья в своем саду она убирала собственноручно, как только они начинали падать), но они же американцы. А это, оказывается, действительно сближало. Во-первых, с участка на участок большого двора они переходили все вместе, так что разговор не прерывался. А во-вторых, ни на кого не давили, мать Брэда и вовсе не брала в руки грабли, она присматривала за детьми, стоя возле девочек, удобно восседавших на куче листьев. Мать Битси

сразу же опустилась в шезлонг, который муж принес ей с крыльца, подставила лицо солнечным лучам и прикрыла глаза. Оказывается, кепку она не просто так носит, поняла вдруг Мариам: она тяжело больна, волосы выпадают. Дэвид, хотя и сгребал листья наравне с другими, то и дело прерывался, подходил к жене и спрашивал, как она.

– Все хорошо, – каждый раз отвечала Конни, улыбалась, похлопывала его по руке.

Вот от кого Битси унаследовала решительность суждений, хотя Конни вроде бы помягче и более сдержанная. Сама же Мариам трудилась усердно, она шла между Битси и Лу (Лу в этой паре муж, теперь-то она разобралась) и длинными, ровными взмахами подгребала листья к формировавшейся возле подъездной дорожки куче. Они с Битси поймали ритм, словно две участницы хора; Лу слишком много болтал и не поспевал за ними. Сначала он общался с Сами, который двигался по другую его руку, скучный мужской разговор про работу, а когда услышал, что Сами риелтор, заговорил о высоких ценах на жилье. Потом настала очередь Мариам: давно ли она живет в стране? Как ей тут нравится?

Мариам терпеть не могла подобные вопросы. Отчасти потому, что слишком много раз приходилось на них отвечать, но также и потому что предпочитала воображать (как это ни глупо), будто в ней, может быть, не всегда с первого взгляда опознают чужачку. Но нет, в тот самый момент, когда она готова была похвалить себя, совладав с особенно сложной и нелогичной английской идиомой, кто-нибудь спрашивал: «Откуда вы?» – и ее подмывало ответить: «Из Балтимора, а что?» Но она ответила так любезно, что Лу, конечно, не мог бы угадать ее чувства.

– Я прожила здесь тридцать девять лет, – сказала она. – И да, конечно, мне тут хорошо.

Лу удовлетворенно кивнул и сосредоточился на листьях. Тут Битси ткнула Мариам локтем в бок.

– Лу думает, вселенная заканчивается чуть восточнее Оушн-сити, – подмигнула она.

Мариам расхохоталась. Битси, решила она, славная. И эта цветастая толпа тружеников, рассеявшаяся по двору, деловитый шорох листьев, пыльный запах осени – Мариам вдруг почувствовала себя счастливой и не чужой. Пусть она и не питала ни малейшей иллюзии, будто смогла бы жить подобным образом, ей нравилось время от времени заглядывать в эту американскую жизнь.

Джин-Хо подалась вперед, обняла охапку листьев, зарылась в них лицом. Один лист отлетел и прилип к куртке Сьюзен. Сьюзен брезгливо его сняла, приподняла, изучая.

С передним двором покончили за час с небольшим, мужчины, оставив за спиной красивую зеленую и чистую лужайку, перешли на задний двор, но малышки уже начинали хныкать, и женщины унесли их в дом. В просторной старомодной кухне Дональдсонов Битси усадила Джин-Хо в высокий стульчик и нарезала ей банан. Зиба кормила Сьюзен из бутылочки. Мариам нравился тихий звук, с каким Сьюзен глотала. «Умм, умм», словно приговаривала она, не сводя глаз с Зибы, пальцы одной руки ритмично сжимались и разжимались, захватывая свитер Зибы. Мать Брэда и Мариам устроились за столом со стаканами белого вина, но мать Битси отправилась на второй этаж прилечь.

Едва она вышла, мать Брэда спросила:

– На самом деле как она?

Битси так долго медлила с ответом, что свекровь поторопила ее:

– Битси!

И тут все увидели, что глаза Битси полны слез. Она склонилась ближе к высокому стульчику Джин-Хо, тщательно выровняла лежавшие перед девочкой кусочки банана и только потом напряженно выговорила:

– Не очень хорошо, мне кажется.

– Ой-ой-ой, – вздохнула Пэт. – Что ж, спасибо и за то, что она дожила и увидела твою малышку. Это для нее очень важно, я понимаю.

Битси молча кивнула, и Мариам, желая дать ей время прийти в себя, заговорила с Пэт:

- Долго пришлось ждать? Пока получили ребенка?

- Долго? До бесконечности! А в прошлом году сами знаете, что началось: корейские власти заговорили о сокращении международных усыновлений.

- Да, это было ужасно! – подхватила Зибя. – Мы с Сами так переживали. Уж думали, придется начинать все сначала и искать ребенка в Китае.

- Мы тоже об этом думали, – сказала Битси. Голос у нее уже окреп, и больше о ее матери не говорили ни слова.

На плите пытела большая, накрытая крышкой кастрюля, и, накормив Джин-Хо, Битси принялась помешивать и пробовать, добавлять приправ. Под другой кастрюлей, стоявшей на дальней конфорке, она увеличила огонь. Мариам она поручила очистить два авокадо, свекровь отрядила в столовую со стопкой тарелок.

- Надеюсь, никто не возражает против ужина без мяса, – сказала Битси. – Мы не вполне вегетарианцы, но стараемся обходиться без мяса.

- Без мяса – очень хорошо. Очень полезно! – похвалила Зибя. Она усадила Сьюзен на пол, рядом с Джин-Хо, которая громко стучала двумя крышками, и стояла, присматривая за обеими девочками.

- Нам очень нравится ваша кухня, – сказала Битси и пустилась рассказывать о каком-то блюде, которое она попробовала в ресторане, замечательно вкусное, вот только название забыла.

Мариам нарезала авокадо и сыпала ломтики в миску. Тут Пэт поинтересовалась, не было ли у Язданов неприятностей в пору кризиса с заложниками в Иране, и Зибя ответила:

- Я тогда только приехала в страну, мало что замечала. Мариам – кажется, у нее какие-то проблемы были.

И все выжидающе обернулись к Мариам.

Она сказала:

– Разве что самая малость, – и занялась вторым авокадо. Битси и Пэт сочувственно зачмокали и пожелали подробностей, но Мариам молчала. Ей до смерти надоела эта тема, правду говоря.

Брэд просунул голову в дверь черного хода и спросил:

– Как тут подвигается? Мы успеем до еды запаковать листья в мешки?

– Не успеете, – ответила Битси. – Я уже подаю на стол.

– Хорошо, пойду всех позову. – И он захлопнул дверь.

Основным блюдом были черные бобы с рисом. Мариам вообще-то любила рис по-американски, надо только было считать его принципиально иной субстанцией, а не рисом. Она помогала Битси с едой, пока Пэт разливала воду по стаканам. На столе стояли миски с нарезанным луком, помидорами, тертым сыром, ломтиками авокадо и множеством других ингредиентов, которые, по словам Битси, следовало добавлять к бобам. Она указала Зиббе и Мариам их места и крикнула с лестницы:

– Мама? Ты как? Ты к нам спустишься?

– Я схожу за ней, – сказал отец Битси, проходя через столовую. От него пахло сухими листьями, широкое обветренное лицо покраснелось на свежем воздухе.

А Сами уработался до пота. Он утер лоб рукавом и рухнул на стул рядом с Зибой.

– Все сгребли, только маленький клочок возле гаража не успели, – сообщил он и потянулся к Сьюзен, сидевшей на коленях Зибы. – Не скучала без меня, Сьюзи-джан?

– О, еда хиппи, – заметил отец Брэда, глядя на бобы. Жена хлопнула его по запястью.

- Садись! - велела она.

- Гранола в панировке.

- Нет тут ни зернышка гранолы. Садись!

Он сел. Битси оглянулась на Брэда - «вот с чем приходится мириться» - и заняла место во главе стола.

- Принимайтесь за еду, - предложила она. - Маму с папой не ждите.

Брэд предлагал на выбор пиво и красное вино, кто что предпочитает.

- Никакого коктейля теперь, - сказал он, открывая бутылку. - К тому времени, как солнце заходит, мы садимся ужинать. Живем по детскому расписанию, вот так. Битси укладывается почти сразу после Джин-Хо.

- Я все время так устаю, - пожаловалась Битси Зибе. - Раньше ведь была настоящей совой! А теперь не дождусь, когда пора в постель.

- О, я тоже, - подхватила Зиба. - А Сьюзен просыпается в такую рань. Уже в семь.

- В семь! Вы счастливица. Джин-Хо открывает глазки в шесть, а то и в полшестого. Но вот что нужно, Зиба: ложитесь подремать днем вместе с малышкой.

- Подремать?

- Я включаю классическую музыку, ложусь на диван и вырубаясь - до той минуты, пока она не проснется.

- Ах, если бы! - откликнулась Зиба, накладывая себе в тарелку рис. - Но два дня в неделю я на работе, а в другие дни стирка, уборка и тому подобное.

- Вы работаете? - спросила Битси.

– Я декоратор.

– Я бы не справилась! Как же вы оставляете малышку?

Зиба перестала накладывать рис и снова неуверенно оглянулась на Мариам.

На этот раз неловкую паузу прервал Лу:

– Наша Пэт вышла на работу, когда малышу было полтора месяца, а вон какой вырос, поглядите-ка!

Брэд отвесил поклон и продолжил разливать вино.

– Но ведь сейчас формируется личность! Это главный момент в их жизни! – сказала Битси. – Этих дней вам никогда уже не вернуть.

Мариам сказала:

– Зато мне повезло, что Зиба работает. По вторникам и четвергам Сьюзен вся моя. Это дает нам шанс... – Она поискала самое современное научное выражение, которое придало бы ее словам вес. – Сформировать привязанность. Бондинг.

– Понимаю, – сказала Битси. Но явно не была убеждена. Она крепче прижала к себе Джин-Хо, уперлась подбородком в блестящую черную макушку. И у Зибы вид неуверенный. Помада стерлась, и черная обводка теперь казалась неаккуратной, словно Зиба испачкала чем-то губы.

Стоя в дверях, мать Битси сказала:

– Какая прелесть!

Она вошла в комнату, ухватила свой стул за спинку. Супруг следовал за ней по пятам.

– Я уже на лестнице учуяла этот замечательный аромат специй, – продолжала она, усаживаясь. Развернула салфетку, одарила улыбкой всех за столом. – Как называется это блюдо?

– Абичуэлас неграс, – ответила Битси. – Кубинское.

– Кубинское! Как романтично!

Битси выпрямилась, явно осененная внезапной мыслью.

– Видите, я одета только в черно-белое, – сказала она Зибе.

Та кивнула, широко раскрыв глаза.

– Это потому что младенцы не различают цвета. Видят только черное и белое. С тех пор как у нас появилась Джин-Хо, я ношу только черное и белое.

– Вот как! – отозвалась Зиба и покосилась на свою розовую водолазку.

– Может, и вам стоит так делать, – посоветовала Битси.

– Да, наверное, стоит.

Битси слегка успокоилась и снова уткнулась подбородком в макушку Джин-Хо.

– А как же Сьюзен различает кубики? – вмешалась вдруг Мариам.

– Кубики?

– Розовые и синие на желтом коврикe манежа. Я говорю ей: «Где у тебя розовые кубики, Сьюзен?» – и она сразу принимается их собирать.

– Вот как? – переспросила Битси и внимательно посмотрела на Сьюзен. – Она собирает кубики по цвету, который вы ей называете?

– С желтого коврика, – уточнила Мариам. Она положила себе рису, повернулась к Конни и предложила: – Рису?

– Нет, спасибо, пока не надо, – отказалась Конни, хотя на тарелке у нее лежал только ломтик хлеба.

Битси все присматривалась к Сьюзен. На мгновение показалось, что ей больше нечем крыть, но тут она обернулась к Зибе:

– Вы сажаете дочку в манеж?

Снова на лице Зибы появилось неуверенное выражение, но, прежде чем она подобрала ответ, Мариам задала встречный вопрос:

– Рис с бобами? Тоже поэтому?

– В каком смысле? – не поняла Битси.

– Черные бобы с белым рисом. Тоже потому, что детки других цветов не различают?

Битси смешалась, но, когда ее свекор расхохотался, выдавила из себя улыбку. Еле-еле.

После этого обе семьи встречались довольно часто, и лишь Мариам вежливо отклоняла приглашения. Зачем ей участвовать в жизни молодых людей? У нее есть собственные друзья, по большей части женщины, тоже в возрасте, почти все эмигрантки, хотя так вышло, что иранок среди них нет. Они вместе обедали – в ресторане или друг у друга в гостях. Ходили в кино или на концерты. К тому же Мариам работала – секретарем в детском саду, в который ходил когда-то Сами. Трижды в неделю. Не скажешь, что ей некуда было девать время.

Благодаря Зибе она почти каждый день узнавала что-то о Дональдсонах. Что Битси признает только подгузники из ткани, что Брэд переживает из-за прививок, что оба читают Джин-Хо вслух корейские сказки. Зибя тоже перешла

на многоразовые подгузники, но через неделю от них отказалась. Она позвонила педиатру и расспросила насчет прививок. Она добросовестно читала дочке «Рисовый пирожок с полынью», а Сьюзен, пока еще не интересовавшаяся чтением, мусолила страницы и норовила порвать. После рождественской вечеринки у Дональдсонов Зибба купила перколятор[1 - Разновидность чайника, предназначен для выпаривания воды, используется для приготовления кофе. - Здесь и далее примеч. перев.] на сорок порций, чтобы варить горячий сидр, как они. «Палочки корицы и гвоздику надо класть в емкость для кофе. Умно, правда?» - объясняла она Мариам.

Зибба, по мнению Мариам, слегка помешалась на Дональдсонах. Сама она не виделась с ними до января, когда их пригласили на первый день рождения Сьюзен. Джин-Хо на этот раз нарядили в полный корейский костюм: великолепное подобие кимоно и заостренная шляпа на резинке, на ножках - маленькие матерчатые туфельки с вышивкой. Гости вошли и замерли, с интересом, но и немножко растерянно поглядывая на толпу иранских родичей. Мариам взяла их под крыло, похвалила шляпу Джин-Хо, показала, где оставить верхнюю одежду, объяснила, кто тут кто.

- Это родители Зиббы, они живут в Вашингтоне. А это ее брат Хассан из Лос-Анджелеса, брат Али тоже из Лос-Анджелеса... у Зиббы семеро братьев, можете себе представить? Четверо из них приехали к нам сегодня.

- А с вашей стороны кто, Мариам? - спросила Битси.

- Никого нет. Большинство моих родственников так и живут в Тегеране. Они редко приезжают в гости.

Она налила им всем по стакану горячего сидра и повела сквозь толпу, останавливаясь на каждом шагу и знакомя их с другими гостями, по возможности не иранцами, - с соседкой, с коллегой Сами, - потому что Брэд нес на руках Джин-Хо, а с родственниками Зиббы никогда не знаешь, что они ляпнут. («У нас в Лос-Анджелесе пластические хирурги делают китайцам глаза не хуже, чем у белых, - заявила утром Зиббе жена Али. - Могу тебе подсказать специалистов, если задумаешь».)

По правде говоря, эти Хакими еще в прошлом поколении на базаре торговали. На родине семья Мариам никогда бы не пересеклась с ними.

Но Дональдсонов утешило угощение. Они дружно ахнули при виде стола, уставленного множеством основных блюд, гарниров и закусок. Им непременно требовалось узнать название каждого лакомства, а когда выяснилось, что все это Мариам приготовила сама, Битси чуть ли не с робостью попросила поделиться рецептами.

– Да, конечно, – сказала Мариам. – В любой иранской поваренной книге они есть.

Ей было известно, что американцы считают рецепты результатом фантазии. Они способны каждый день изобретать что-то новое, то тешатся итаलो-американской кухней, то тexasско-мексиканской, а потом и адаптированной азиатской, и всегда удивляются, когда слышат, что в других странах меню гораздо предсказуемее.

– Мариам, – спросила Битси, – родственники Зибы огорчились, когда узнали, что они с Сами удочеряют ребенка?

– Вовсе нет, почему вы так решили? – резковато ответила Мариам (подумать только, ну и вопросы нынче люди задают). – А вот это традиционное свадебное блюдо, – указала она. – Курица с миндалем и апельсиновыми корочками. Непременно попробуйте.

Битси накладывала двойные порции на общую с Брэдом тарелку – тот держал на руках Джин-Хо. Набрав ложку свадебной снеди, Битси пояснила:

– Родители Брэда несколько напрягались. Не мои, они-то сразу были за. Но Брэд единственный ребенок, и его родители в большей степени... не знаю, как сказать... может быть, им бы хотелось передать свои гены или что-то в этом роде.

Она сунула себе в карман кусок лаваша. (На ней было домотканое платье простонародного типа, голубых оттенков. С черно-белым покончено, отметила Мариам.)

– Разумеется, теперь они надыхаться на Джин-Хо не могут, – продолжала Битси. – Настолько с ней хороши, насколько умеют. – Она посмотрела на Мариам и добавила: – А вы очень близки с Сьюзен, Зибя мне говорила.

– Да, – только и ответила Мариам, но глазами тут же отыскала Сьюзен на другом конце комнаты. Малышка была в платье с розовыми бутонами, которое другая бабушка отыскала в модном магазине Джорджтауна. Розовый очень идет к черным глазам и черным волосам.

Все американские гости унесли тарелки в гостиную, все иранцы так и толпились вокруг стола с угощением. Каждый раз при виде такого разделения Мариам пыталась разобраться: это американцы жаднее, спешат занять места и собственнически склониться на тарелкой, или жаднее иранцы, остающиеся поближе к источнику благ и мечущие в рот еду, пока другие гости, еще не оделенные едой, пытаются протиснуться между ними? Так или иначе, она проводила Дональдсонов в гостиную, проследила, чтобы они расселись на полу вокруг журнального столика (стулья уже были заняты), потом пошла на кухню за слюнявчиком для Джин-Хо. Вернувшись, застала Брэда и Битси за разговором с соседкой, которая, устроившись на диване, кормила грудью младенца.

– Чем раньше начать, тем лучше, – внушала ей Битси. – Я рассказываю о программе упражнений «Мать и дитя», – пояснила она Мариам. – Полезно не только для мышц – мозг тоже развивается. Координация руки и глаза, насколько я понимаю.

Очевидно, она уже освоилась. Мариам повязала Джин-Хо слюнявчик и отправилась присматривать за другими гостями.

Пригласить Дональдсонов на иранский Новый год той весной Мариам вынудила любезность. На самом деле она уже практически перестала отмечать Новый год. Сами и Зиба всегда отправлялись на праздники в Вашингтон, там родители Зибы устраивали гигантский пир, собирая толпы увешанных золотом и благоухающих парфюмом гостей – тех, кто прибыл в Америку намного позже Мариам, совсем не ее круга людей. И этот год не был исключением, но Зиба предупредила Мариам, что вскоре после настоящего Нового года хотела бы угостить Дональдсонов некоторыми традиционными блюдами.

– Им так понравилось все, что подавали на дне рождения Сьюзен, – сказала она. – Я подумала, можно бы пригласить и родителей Брэда и Битси тоже, и моих родителей, если они не будут заняты. Мы могли бы накрыть хафт син и, наверное, приготовить моргх поло... Ну то есть если бы вы приготовили, а я

помогу, чем смогу. Вы согласны?

Обычно Мариам на такие просьбы соглашалась с готовностью, но тут в ней что-то воспротивилось. С какой стати устраивать этнические демонстрации? Пусть Дональдсоны за этим в Смитсоновский институт сходят, досадливо думала она. Пусть «Нейшнл джеографик» читают. Однако вслух она только и сказала:

– Не слишком ли это будет для вас, после выходных в Вашингтоне?

– Слишком? Да нет, почему же? – ответила Зибя. – Или... вы хотите сказать, это будет слишком для вас?

– Нет, конечно! Не я же поеду в Вашингтон. Но тот же хафт син. Его нужно готовить заранее, а вы оба уедете.

Опять-таки, не было никакой необходимости готовить заранее, и к тому же пригласить Дональдсонов можно в любой удобный день. Зибя не могла не сообразить, что Мариам просто придумывает отговорки, но вывод она сделала неправильный.

– А! – сказала она. – Вы бы предпочли принимать у себя дома?

– У меня? Да ведь...

– Конечно же! Как я не подумала! Только потому, что у нас больше места. Но если вы предпочитаете у себя...

– Ну, по правде говоря, дом у меня совсем маленький, – сказала Мариам.

– Но готовить-то вам. Вы и выбирайте, где лучше.

– Но все остальное на вас – украшение дома, уборка после гостей. Разумнее сделать все у вас.

– Нет, так будет лучше всего, – объявила Зибя. – Мы используем ваш дом. Все получится.

Итак, Мариам пригласила Дональдсонов к себе. За десять дней до намеченного срока Сами отвез ее в Роквилл за наиболее экзотическими ингредиентами (в такую даль Мариам не любила ездить одна). По I-95 машины шли бампер к бамперу, и Сами шепотом ругался всякий раз, когда впереди вспыхивал красный свет.

– Еще повезло, что у нас неподалеку есть такое место, – урезонивала сына Мариам. – Когда я только приехала в страну, твоей бабушке приходилось слать мне почти все специи почтой из Ирана.

Она словно и сейчас видела эти посылки, неуклюже сшитые из ткани мешочки, набитые сумаком, сушеными листьями пажитника, крошечными высохшими и почерневшими лаймами, на каждом мешочке сделанный от руки картонный ярлык, надписанный маминым неуверенным английским.

– А чего не могли добыть, с тем приходилось как-то выкручиваться, – продолжала Мариам. – Мы делились секретами, другие жены и я. Гранатовый соус из замороженного концентрата валлийского виноградного сока и консервированного наполнителя для тыквенного пирога – это я запомнила. Йогуртный творог из обезжиренного молока и козьего сыра, взбить в блендере.

В те годы все их друзья были иранцы, все примерно в такой же ситуации, как Мариам и Киян (на большой вечеринке, когда садились играть в покер, если бы кто-то из жен подал голос: «Доктор-ага!» – обернулись бы все мужчины). Где теперь эти люди? Многие, конечно, вернулись домой. Другие разъехались по Америке. Но кое-кто оставался в Балтиморе, и Мариам это знала, но связь была утрачена. Прежде всего, отношения сильно усложнила политика: кто за шаха? кто против? Почти все прибывшие после Революции поддерживали шаха, с ними лучше не иметь дела, к тому же Киян умер, и ей стало неудобно в обществе, где все собиралась парами.

– Если б твой отец дожил до низвержения шаха, – сказала она Сами, – он был бы счастлив.

– Примерно три с половиной минуты, – откликнулся Сами.

– Вот еще.

- Его бы возмущало все, что происходит сейчас.

- Да, конечно.

Однажды она слушала музыкальную передачу с родины, включила старый коротковолновый приемник Кияна, пока гладила. Уже прошли многотысячные демонстрации, доносились слухи о волнениях, но даже эксперты не решались предсказывать исход. И вдруг на полуноте музыка оборвалась, потом долгое молчание, которое прервал наконец диктор, негромко и спокойно заявивший: «Это голос Революции».

Дрожь пробежала по ее позвоночнику, слезы выступили на глазах. Отставив в сторону утюг, Мариам громко позвала: «О, Киян! Слышишь ли?»

- То, что происходит сейчас, разбило бы ему сердце, - сказала она. - Иногда, знаешь, я думаю, умершие - вот кто счастлив.

- Йуух! - выдохнул Сами, и Мариам с тревогой глянула на машины впереди: неужто пробка? Но нет, видимо, просто преувеличенная реакция, молодым это свойственно. - Даже не начинай, мам! Никуда не торопись.

- Я не буквально, Сами. Но что бы сказал твой отец? Он любил свою страну. Всегда мечтал о том, как мы туда вернемся.

- Слава богу, мы не вернулись, - отрезал Сами, включил поворотник и резко свернул на скоростную полосу, словно от одной мысли о возвращении ему сделалось дурно.

Он никогда не бывал в Иране. В тот единственный раз, когда Мариам ездила туда после его рождения, Сами был уже взрослый, женатый, работал в «Пикок хоумс» и утверждал, что не может отлучиться. На самом деле он просто не интересовался всем этим. Мариам с грустью поглядела на него, на крупный горбатый нос, так похожий на отцовский, на трогательные очки. Теперь уж он, наверное, никогда и не съездит, уж во всяком случае не с ней, потому что и Мариам после той последней поездки решила больше не возвращаться. Не в запретах и ограничениях дело, хоть и приходилось кутаться в длинный черный плащ, словно на похоронах, повязывать на голову уродующий платок, - хуже отсутствие столь многих, кого она любила. Разумеется, ей сообщали об их

смертях по мере того, как уходили – мать, двоюродные тети, родные тети, кое-кто из дядьев, – об одной утрате за другой сообщали в деликатных, уклончивых выражениях на голубой телеграфной бумаге, в более поздние годы – по телефону. Однако в глубине души, как выяснилось, Мариам не вполне осознавала, что произошло, пока не приехала в родные места – и где же мама? Где стайка тетушек, болтающих, щебечущих, кудахчущих, словно маленькие серые куры? А в аэропорту на обратном пути обнаружилась какая-то проблема с выездной визой, пустяк, влиятельный родственник тут же все уладил, но Мариам пережила приступ удушающей паники. Словно птица, бьющаяся в клетке. Выпустите меня, выпустите меня, выпустите меня! И больше не возвращалась.

В бакалее, толкаясь вместе с Сами среди других иранцев, закупавшихся к Новому году, она спрашивала себя невольно: «Да кто же все эти люди?» Дети фамильярно обращались к родителям, шумные, дурно воспитанные, неуважительные. Девочки-подростки выставляли напоказ голые животы. Клиенты, пробившиеся к прилавку, отталкивали друг друга локтями.

– Это просто... удручающее зрелище! – сказала она, но Сами фыркнул:

– Мама, не заносись!

– Что ты сказал?.. – переспросила она, в самом деле подумав, что ослышалась.

– С какой стати им вести себя лучше, чем американцы? Они поступают как все вокруг, мама, так что хватит судить людей.

Она чуть было не ответила ему резкостью: разве она не вправе ожидать от соотечественников хорошего примера? Но сосчитала до десяти, прежде чем заговорить (научилась этому приему, когда Сами проходил через отрочество), а потом решила и вовсе не возражать. Молча пошла вдоль полок, сбрасывая целлофановые упаковки трав и сухофруктов в корзину, которую нес Сами. Остановилась перед банкой с зернами пшеницы. Сами спросил:

– Хватит ли времени их прорастить?

Времени было предостаточно, он это прекрасно знал. Спрашивал, должно быть, чтобы загладить свою резкость. Так что она ответила:

– Думаю, достаточно. А ты как думаешь?

И на том они примирились.

Да, она судила и оценивала. Сама это знала. С годами становилась все более критичной по отношению к людям – может быть, потому, что так долго жила одна. Надо за собой понаблюдать. Мариам заставила себя улыбнуться первому же, кто ее толкнул, – это была женщина с короткими волосами цвета медной решетки, и когда женщина улыбнулась в ответ, у нее под каждый глазом у внешнего уголка проступила одинокая глубокая морщина, в точности как у тетушки Мину, и Мариам почувствовала внезапную нежность к незнакомке.

Дональдсонов пригласили на воскресенье больше чем через неделю после праздника у родителей Зибы, так что и вовсе не оставалось причин звать всех к Мариам, но она уже смирилась. Всю неделю готовила, по одному-два блюда в день. Накрыла в гостиной хафт син – семь традиционных блюд, среди них маленькие живые и бодрые проростки пшеницы, искусно распределив все на лучшей скатерти с вышивкой. Утром в воскресенье она поднялась до рассвета и принялась за дело. Окна светились только в домах, где просыпались младенцы. И слышны только птичьи голоса, новые песни наступившей весны. Мариам шлепала по кухне босиком в муслиновых штанах и длинной рубашке, прежде принадлежавшей Сами. Чай остывал на столике, пока она промывала рис (оставила его набухать), потом полезла на стул за подносами, обрезала стебли желтых тюльпанов, дожидавшихся с вечера в ведрах на заднем дворе. Солнце уже поднялось, сквозь открытое окно она слышала, как визгливо тормозит фургон, развозивший газеты, и «Балтимор сан» шмякнулась на парадное крыльцо. Мариам принесла газету в кухню, почитать под вторую чашку чая. С ее места открывался обзор столовой, где серебро мерцало на столе, блистали чистотой тарелки, желтели тюльпаны в узких стеклянных вазах. Она любила эти часы до появления гостей, пока салфетки еще не смяты, покой не нарушен.

В двенадцать тридцать, приняв душ и нарядившись в обтягивающие черные брюки и белую шелковую тунику, она приветствовала на парадном крыльце Сами и Зибу. Они приехали пораньше, помочь с последними приготовлениями, хотя, как тут же заметил Сами, никаких поручений для них не оставалось.

– Зато у меня будет немного времени пообщаться со Сьюзен, – сказала Мариам.

Сьюзен уже всю ходила: как только Сами опустил ее на пол, она прямоком устремилась к корзине, где Мариам хранила ее игрушки. Волосы у девочки отросли так, что падали на глаза, если их не связывали в подобие вертикального ростка на макушке. Прядки завивались вокруг маленьких ушных раковин, тонкими струйками сбегали сзади по стельку шеи.

- Сьюзи-джан, - заговорила с дочкой Зибя, - скажи: «Привет, Мари-джан! Здрасьте, Мари-джан!»

- Мари-джан, - старательно повторила Сьюзен, но вышло у нее «мадж». Обменялась с Мариам тайной улыбкой, словно прекрасно понимала, какая она умница.

Зибя дергалась, суетилась - «Скажите же, что надо делать? Пусть Сами откроет вино. Какую скатерть постелить?», - но Мариам сказала, что все уже в порядке.

- Садись, - велела она. - Что ты хочешь выпить?

Зибя не ответила, так была занята, взбивая подушки, даже Сами столкнула в сторону, чтобы добраться до той, на которую он оперся. Нервничает, подумала Мариам. Чересчур разоделась для дневного приема: то же переливающееся турмалиновое платье, в котором ездила в гости к родителям, два круга румян на щеках, словно горит в лихорадке. Возможно, сравнивает дом Мариам со своим: слишком маленькая гостиная, традиционная, немодная мебель, повсюду кашмирские шали и маленькие иранские безделушки - это ее смущает.

- Сьюзен, положи на место! - велела она, когда малышка вытащила плюшевую собаку. - Скоро гости придут, нельзя, чтобы игрушки валялись повсюду.

- Почему же? Джин-Хо тоже захочет поиграть, - возразила Мариам, а Сами, лениво перебиравший подобранные на журнальном столике глиняные четки, велел:

- Успокойся, Зи, сядь наконец.

Зибя тихо, сердито выдохнула и плюхнулась на стул.

И еще невезение: первыми приехали родители Зибы. Рановато. Думали, что из Вашингтона дольше придется добираться. Миссис Хакими пустилась извиняться перед Мариам на фарси: «Мне так жаль, прошу нас простить, я сказала Мустафе, нужно поездить немного вокруг, но он сказал...» Зиба вскрикнула:

– Мама, пожалуйста, ты же обещала в этот раз говорить по-английски.

Миссис Хакими жалобно поглядела на Мариам. Приятная на вид женщина с пухлым усталым лицом, все ее семейство, как замечала Мариам, о нее ноги вытирает, особенно супруг, державшийся по-военному прямо, хотя зарабатывал бизнесом. Что-то импортировал (что именно, Мариам не знала). Владелец желтоватой лысины и огромного брюха, растягивавшего жилетку серого, акульего цвета, костюма.

– Сюзи-джан! – загромыхал он и набросился на Сьюзен. Та смущенно улыбнулась и свернулась в клубок, прямо креветка, и неудивительно: мистер Хакими обожал щипать ребенка за щеку – хватать-хватать крепкими желтыми пальцами. Сьюзен ежилась и высматривала Зибу.

– Слышала, ваш праздник на прошлой неделе имел большой успех, – сказала Мариам миссис Хакими.

– О нет, пустяки. Простая семейная вечеринка, – ответила миссис Хакими и вдруг снова перешла на фарси: – Уверена, сегодняшней наш обед будет гораздо утонченнее, ведь его готовили вы, а никто из моих знакомых не делает такие изысканные... – Слова из ее уст вылетали стремительно, словно женщина спешила сказать как можно больше, прежде чем ее перебьют, и Зиба действительно повторила: «Мама!» И миссис Хакими смолкла, беспомощно глядя на Мариам.

По опыту Мариам, обычно быстрее адаптировались жены. Чуть ли не наутро после прибытия разгадывали кодекс местных обычаев, осваивали тонкости шопинга и поочередной доставки детей в школу, приобретали напор и уверенность в себе, в то время как мужья, погруженные в работу, учили английский в пределах медицинской терминологии или словаря научных семинаров. В ту пору мужчины полагались на женщин как на единственную связь с повседневной жизнью, но у Хакими все вышло наоборот. Когда явились родители Брэда в весенних нарядах, расцвеченных, словно пасхальные яйца, и

жизнерадостно выкрикнули свои имена, прежде чем Мариам успела их представить, миссис Хаками только улыбнулась себе в колени и съежилась в кресле, а мистер Хаками повел разговор:

– Так вы бабушка и дедушка с отцовской стороны! Разрешите сказать, как мы рады знакомству! И кто же вы по профессии, Лу?

– А я поверенный, на пенсии! – ответил Лу, столь же добродушно и бойко. – Мы с женой теперь оба люди свободные. Ездим в круизы, в гольф-туры – и вы же слышали, разумеется, про Элдэрхостел[2 - Международная некоммерческая организация, предлагающая пенсионерам недорогие краткосрочные курсы, обычно в университетских кампусах, с размещением и питанием.]...

Извинившись, Мариам ушла на кухню. Убавила огонь на одной конфорке, на другой, наоборот, усилила и позволила себе небольшую роскошь – поглазеть в окно, пока в дверь вновь не позвонили. Вернувшись в гостиную, она застала Брэда и Битси уже внутри дома, Брэд держал на руках Джин-Хо, родители Битси чуть приотстали: Конни с трудом преодолевала ступеньки. Дэйв подхватил ее под руку, и она старалась подтянуть одну ногу к другой.

– Ох, простите, – сказала Мариам, выходя ей навстречу. – Надо было проводить вас через заднюю дверь.

Но Конни ответила:

– Ничего подобного, мне надо тренироваться. – И обеими руками сжала руки Мариам. – Не могу даже выразить, как я ждала этого дня.

Наконец она отказалась от бейсбольной кепки. Негустые седые волосы отросли примерно на сантиметр, очень тонкие, мягкие на вид, голубое хлопковое платье было ей велико. Добравшись до двери, Конни остановилась, глубоко вдохнула, словно собираясь с силами, – и нырнула в гостиную.

– Вы, конечно, родители Зибы! – воскликнула она. – Добрый день! Я – Конни Дикинсон, а это мой муж Дэйв. Привет, Пэт! Привет, Лу!

Вихрь приветствий и комплиментов (новому цвету волос Пэт, штанам Битси на резинке), затем Дэйв спросил, что такое хафт син, предоставив таким образом мистеру Хакими шанс прочитать лекцию.

- Хафт син означает «семь С», - начал он ораторским голосом, - мы ставим на стол семь предметов, названия которых начинаются на С.

Дэйв и Конни пресерьезно кивали, а Битси удерживала Джин-Хо, пытавшуюся стянуть со стола расшитую скатерть.

- Стойте, стойте! - возмутился Лу. - Тюльпаны же не на букву С.

- Папа... - попытался остановить его Брэд.

- И эта травка тоже не на С.

- Названия на нашем языке, - пояснил мистер Хакими.

- О! Ага. Очень интересно.

- У вас очаровательный дом, Мариам, - говорила меж тем Битси. - Мне нравится такая смесь материй. Я же ткачиха, как вы знаете, я замечаю подобные вещи. - Она снова ухватила Джин-Хо и на этот раз взяла ее на руки. - Вы привезли все эти ковры с собой, когда приехали в страну?

- О нет, - засмеялась Мариам, - с собой я привезла всего один ковровый саквояж.

- Но персидский же саквояж, я точно знаю, с каким-нибудь чарующим узором!

- Ну да...

Саквояж она спланировала через месяц после приезда, стеснялась, что это не «самсонайт». О, в ту пору она бы не повезла из дома ковров, даже если бы для них было место. Ей требовалось все модное, стильное, практичных тонов, предпочтительно бежевого оттенка - американское-американское, говаривал Киян. Они оба восторгались западной отделкой. Лишь со временем она поняла, что они переняли худшее: обзавелись дешевыми бежевыми пластмассовыми

тарелками, пустынями бледно-бежевого ковровина, креслами, которые обтянули какой-то бежевой синтетикой, простроченной металлическими нитями.

Пас перешел к Дэйву, он подхватил разговор о профессиях, и Мариам, разносившая лимонад, вино и виски со льдом (для мистера Хакими), услышала, что Конни преподавала студентам английский, сам Дэйв преподавал физику, а Брэд – биологию. Неудивительно, что члены этого семейства склонны объяснять другим, как что делается. А может быть, гены влияют и на выбор профессии? – размышляла Мариам по пути в кухню.

Рис издавал уже тот самый запах прожаренного масла, попкорна. Мариам переставила кастрюлю в раковину и выключила горелку.

Из гостиной доносился голос мистера Хакими. Очередная тема: политика, вопиюще иранская, длинная и славная история Ирана и печальный итог – Революция. Хорошо, что ей пришлось отойти, Мариам избегала подобных разговоров с любыми родственниками Зибы. Налив холодной воды в раковину, она подождала, пока от кастрюли не перестал подниматься пар, хотя вполне могла не заморачиваться. За спиной, к ее радости, слышались частые, неровные шажки.

– Сюзи-джан! – воскликнула она, обернувшись, и Сьюзен с улыбкой подняла ручки и попросила: «Вейх!»

Она старалась как можно тщательнее выговаривать, словно понимала: сейчас она осваивает язык. Мариам подхватила девочку, прижалась лицом к ее мягкой щеке. Тут явилась и Джин-Хо, прижимая к груди игрушечный трактор, залепетала:

– Кэк? Кэк?

Мариам, сообразив, вытащила из буфета печенье.

– Крекер! – сказала она, выдавая по штучке обеим девочкам. – «Спасибо, Мари-джан». – И опустила Сьюзен на пол.

Сьюзен и Джин-Хо стали катать машину друг к другу, сжимая свободной рукой печенью, усевшись так, как могут только маленькие, словно бескостные дети: на корточках, стопы широко разведены и прижаты к полу, попки висят в двух сантиметрах от пола. Так приятно было смотреть на них. Мариам могла бы простоять целый день, ничего не делая, просто наслаждаясь этим зрелищем. Потом стало ясно, что это и был лучший момент дня. К тому времени, когда сели за стол, девочкам уже пора было спать. Ревущую Сьюзен унесли в кроватку на втором этаже, а Джин-Хо маялась на коленях у матери, все больше капризная, хныкала, отворачивалась, когда Битси предлагала ей что-то вкусненькое. Но дурно вели себя не только дети. Для начала Пэт вздумала дать Конни совет: а не лучше ли обматывать голову симпатиченьким шелковым платком (неужто в этом семействе даже свояки считают себя вправе учить друг друга?), Конни покраснела и явно расстроилась, и Дэйв сказал:

– Спасибо, Пэт, но, на мой взгляд, Конни и так красива.

А Пэт ответила:

– О! Конечно! Что вы! Я вовсе не хотела...

И тут Битси, пытаясь сменить тему, сказала:

– Кстати, о модах. Зибба, этот хвостик у Сьюзен на голове очень милый.

Зибба на это:

– Главное, чтобы волосы не лезли ей в глаза.

Битси:

– Ах да, у Джин-Хо такой проблемы нет, потому что мы сохранили прическу, с которой она прибыла. Мы сознаем, что девочку не следует американизировать.

– Американизировать? – переспросила Зибба. – Мы не американизируем!

(«Можно подумать, кого-то можно вот так взять и запросто американизировать», – проворчала про себя Мариам. Уж она-то увидалась, как

приезжие пытаются выглядеть «натурально», втиснувшись в линялые джинсы.) Похоже, Зиба все еще не чувствовала себя достаточно уверенно в обществе Дональдсонов, иначе она бы так не оцетинилась. А мистер Хакими, в свой черед попытавшись сыграть роль миротворца, лишь усугубил ситуацию.

– Но мы забываем про нашу хозяйку! – рявкнул он. – Прекрасное угощение, дорогая моя, и вы были так добры, избавив Зибу от хлопот.

– От каких хлопот? – возмутилась Зиба. – О чем вы говорите? Мы могли бы принять всех у нас дома! Я так хотела позвать всех к нам.

– Ты хотела? – изумилась Мариам.

– У нас и места больше! Я же вам говорила! Не пришлось бы тесниться вокруг стола на садовых и раскладных стульях и кухонных табуретках!

Мариам сказала:

– Но ты же вроде бы говорила...

Впрочем, она уже толком не помнила, что говорила сама и что говорили ей. Не получалось мысленно воспроизвести весь тот разговор. Понятно было одно: снова они с невесткой перестарались во взаимной любезности, со всеми этими «прошу-вас», «нет-я-настаиваю» и «как-тебе-лучше».

– Что ж, – сказала наконец она, – жаль, что я это не сразу поняла.

Конни отложила вилку и потянулась через стол, коснулась руки Мариам.

– Какая разница, прекрасный обед, – сказала она.

– Спасибо, – ответила Мариам.

– К тому же, – добавила Битси, – теперь мы побывали у вас дома, увидели все эти прекрасные вещи. Скажите, Мариам, мне прямо не терпится расспросить про тот саквояж, с которым вы приехали, – что берет с собой девушка, навсегда покидая родную страну?

С облегчением Мариам переключила мысли на саквояж. Шелковый пеньюар там был, припомнила она. И два набора кружевного белья, сшитого на заказ портнихой тетушки Эши... Она улыбнулась и покачала головой.

– Это было не так, как вам видится, – сказала она. – Я только-только вышла замуж и больше думала о своей внешности, чем о том, как будет выглядеть мой дом.

– Только вышли замуж! Вы приехали сюда новобрачной?

– Я вышла замуж накануне того дня, как села в самолет, – уточнила Мариам.

– Свадебная поездка в Америку! Как романтично!

Сами, сидевший во главе стола, сказал:

– Право, мама, расскажи всю историю с начала до конца.

– Расскажите! – подхватила Битси, а Лу постучал ножом по стакану с водой. Джин-Хо, только что задремавшая, вздрогнула, но снова уткнулась лицом в материнское плечо.

– Нет никакой истории, – воспротивилась Мариам.

– Еще как есть, – настаивал Сами. Гостям он пояснил: – В свадебную, так сказать, поездку мама отправилась одна, мой отец жил уже здесь. У нее было заочное бракосочетание, а потом уж она приехала к нему.

– В самом деле? – обратилась Пэт непосредственно к Мариам. – У вас была свадьба без жениха? Как же это?

– Покажи им фотографию, – велел Сами.

– О, Сами, никто не хочет смотреть на фотографию, – отмахнулась Мариам и, не внемля хору («Нет, хотим! Покажите нам, Мариам!»), поднялась и подала блюдо с долмой. – Добавки кто-нибудь хочет? – предложила она.

– На фотографии мама в свадебном платье, – расписывал Сами, – стоит одна возле длинного стола, сплошь заваленного подарками. Словно за подарки замуж и выходит.

Мариам попыталась его остановить:

– Право, я бы не стала...

Что-то в его тоне казалось обидным. Как будто он потешался – вот что. Видимо, это почувствовал и мистер Хакими. Он откашлялся и сказал:

– По правде говоря, в ту пору многие, очень многие девушки выходили замуж таким способом. Все наши молодые мужчины, которые уехали в Америку, знаете ли, или в Германию, или во Францию... разумеется, со временем им понадобились жены. Это было разумное решение.

– Но как же знакомиться и ухаживать на таком расстоянии? – спросила Пэт, обращаясь к Мариам.

– Ухаживать! – засмеялся Сами. – Никто и не ухаживал. Свадьба по сговору.

Мариам почувствовала, как все за столом насторожились, но не поднимала глаз от блюда, которое по-прежнему держала обеими руками. Добавки никто не попросил. Может, им виноградные листья не нравятся. Может, им вся еда не нравится.

– Как видите, – сказал Сами, обращаясь к Битси, – это было не так уж романтично.

Мариам вздохнула:

– Ох, Сами! – И сказала как можно мягче, не позволяя гневу прорваться: – Ты ничего толком об этом не знаешь.

Отвернулась, стараясь сохранить достоинство, вынесла из комнаты долму, закрыла за собой вращающуюся дверь.

В кухне взяла чайник, налила воды. Придется убрать со стола, прежде чем подавать сладкое и фрукты, но пока она не могла вернуться к тем людям. Мариам зажгла конфорку под чайником и стояла у плиты, крепко сжимая руки на груди; слезы щипали глаза. Вот, например, Киян говорил ей, что ее волосы пахнут, словно армянская церковь, – что об этом мог знать Сами?

Вращающаяся дверь осторожно приоткрылась, вошла Конни с двумя тарелками.

– Спасибо, не надо было! – всполошилась Мариам и забрала у нее тарелки. – Вы же утомитесь.

– Все в порядке, – ответила Конни. – Хотелось ноги размять.

Но она не вернулась в столовую, а уселась на стул и стала наблюдать, как Мариам соскребает с тарелок остатки еды.

– Семейные сборища утомительны, правда? – сказала она. – Столько людей, все тебя слишком хорошо знают и думают, будто вправе болтать что в голову взбредет.

– Это верно, – кивнула Мариам. Она возилась с грудой грязной посуды, загромоздившей поверхность единственного рабочего столика. Отвернувшись от Конни, она поспешно утерла кончик носа. – Да и не так уж хорошо они тебя понимают, – добавила она.

– Вы правы, они и половины важного не знают, – согласилась Конни. Она обернулась к вращающейся двери: появился ее муж еще с двумя тарелками. – Мы тут соболезуем друг другу по поводу семейных сборищ, – сообщила она.

– Да, они ужасны, – подтвердил Дэйв. Прямым, словно у себя дома, направился к ведру для мусора и принялся сгребать в него остатки с тарелок. Мариам всегда чувствовала себя неловко, если ей на кухне пытался помочь мужчина.

Где же Зиба? Разве это не ее обязанность?

– Да и вообще, семью очень переоценивают, – продолжал Дэйв. – Весьма переоценивают.

Конни цокнула языком и дружески шлепнула его по руке.

– А уж устраивать обед в моем доме, – продолжала Мариам (мысль о Зибе напомнила про главную обиду), – я вовсе не напрашивалась. То есть... простите, я, конечно же, рада вас принять, но...

– Мы понимаем, – сказал Дэйв.

Вероятно, он не все понимал, но, добрый человек, сочувственно кивал седой кудрявой головой, и Конни тоже кивнула и сказала:

– Забавно, как нас подводят к таким решениям.

– Мы просто слишком друг с другом деликатны, Зибба и я, – пояснила Мариам. Повернувшись к плите, она сняла с чайника крышку, проверить, не закипел ли. – В нашей семье никто не умеет толком сказать, чего хочет. В итоге, боюсь, мы порой поступаем так, как никто из нас не хотел, только потому, что каждый пытался угодить другим.

– Научитесь быть грубыми – как мы, – посоветовал Дэйв, обнимая Конни за плечи и подмигивая Мариам. Невольно она рассмеялась.

Затем Конни и Дэйв вернулись в столовую за оставшимися тарелками, а Мариам насыпала в свой лучший фарфоровый чайник заварку. Ей стало полегче. Эти двое и правда утешительны. Она залила в чайничек кипяток, вернула на место крышку и поставила заварочный чайник на большой.

Наверное, шипение медленно закипающей воды и вернуло ее в давнее прошлое, в первую пору замужества. Когда она чувствовала себя совсем одинокой, припомнила Мариам, она ставила на тумбочку у кровати стакан газировки и засыпала, слушая, как пузырьки ударяются о стеклянные стенки с тихим, непрерывным, мирным шепотом, похожим на голос фонтана во дворе дома – родительского дома, там, далеко.

Идея устроить праздник Прибытия целиком принадлежала Битси. И название выдумала она, так что Брэд вынужден был переспросить: «Какой праздник, лапа? Повтори, пожалуйста».

– Праздник в годовщину прибытия девочек, – пояснила она. – Через две недели ровно год, поверить невозможно! В субботу, пятнадцатого августа, мы это отметим.

– Стоит ли, когда твоя мама...

У матери Битси начался рецидив, вернее, появилась новая опухоль, на этот раз в печени. Последние месяцы всем дались нелегко. Но Битси сказала:

– Это мне пойдет на пользу! Всем нам пойдет на пользу! Забыть о наших проблемах. Только наши две семьи, чужих звать не будем. Вроде вечеринки в день рождения. Сразу после дневного сна, когда малышки лучше всего себя ведут. Я не буду затевать полный обед, только десерт.

– Может, корейский десерт? – предложил Брэд.

– Ну не знаю...

– Разве это не будет уместно?

– Я посмотрела корейские десерты в интернете, – призналась Битси. – Пирожки со шпинатом, замороженный липкий рис...

На лице Брэда проступила тревога.

Битси сказала:

– Я подумала: можно приготовить слоеный торт с глазурью в виде американского флага.

– Великолепная идея!

– Со свечками? Или с одной – за один год. Но никаких подарков, решительно, – напомни мне сказать это Язданам. Они всегда приходят с подарками. И можно вместе спеть какую-нибудь песенку. Найдется же подходящая песня о том, как ждут чьего-то приезда.

– «Они едут из-за гор», например, – подсказал Брэд.

– Хорошо... и девочек можно нарядить по-корейски. Одолжим Сьюзен сагусам, как ты думаешь? У нее ведь наверняка нет, сам знаешь.

– Тоже хорошая мысль.

– Устроим что-то вроде торжественной церемонии. Девочки будут ждать в соседней комнате, мы зажжем свечи и начнем петь, а они выйдут к нам, держась за руки... это и будет Прибытие, как будто все заново. Согласен?

– И послушай! – спохватился Брэд. – Мы же можем показать видео!

– Видео! Идеально! – обрадовалась Битси.

Ее брат Мак соединил все сделанные в аэропорту съемки в единый ролик. С тех пор диск так и стоял без дела на полке, времени не хватало даже новости глянуть, но теперь появился шанс посмотреть этот фильм.

– Под конец вечера, чтобы слегка взбодрить всех, – сказала Битси. – Но не выйдет ли это чересчур – не покажется фальшиво? – тут же встревожилась она.

– Нисколько.

– Ты так уверен? Ты же скажешь мне, если что не так?

– Ты не сможешь сфальшивить, даже если постараться, – сказал Брэд.

Что самое приятное – он говорил искренне. Битси знала: он вбил себе в голову, что она все делает правильно. Только и слышишь от него: «Битси говорит то», «Битси говорит се», «Давайте спросим у Битси». Она обеими ладонями обхватила его лицо, подалась вперед и поцеловала.

Битси предпочитала это не афишировать, но Брэд был не первым ее мужем. Первым был Стивен Бартоломью, единственный сын старинных друзей ее родителей. Их родители ходили на свидания вчетвером все время, пока учились в Свартморе, и преданно поддерживали связь со студенческих лет, хотя Бартоломью поселились на другом конце страны, в Портленде. До своего поступления в Свартмор Битси видела Стивена ровно дважды, оба раза была слишком мала, чтобы его запомнить, но считалось, что они сразу же признают друг в друге кровного – вернее, духовного – родича. Первое же письмо от матери, полученное Битси в первом семестре, начиналось вопросом: «Ты уже нашла Стивена?» Разумеется, мать Стивена задавала ему такой же вопрос. И конечно же, в итоге они встретились и влюбились, что опять-таки никого не удивило. Стивен был по-эльфийски прекрасен: узкое безмятежное лицо, сумеречно-серые глаза. Она внешне попроще, зато прирожденный лидер, звезда кампуса, открытая, страстная. Четыре университетских года они считались неразлучной парой, хотя траектории учебы у них были совершенно разные (у него химия, у нее литература и к тому же политическая деятельность), так что они с трудом выкраивали время побыть вдвоем. В Рождество на последнем курсе они обручились, в июне, сразу после выпускного, сыграли свадьбу и переехали в Балтимор, где Стивен устроился на кафедру в Хопкинс, а Битси повышала квалификацию в Колледж-парке.

А потом она познакомилась с Брэдом.

Вернее, так: сначала она стала замечать изъяны Стивена. Или в какой последовательности это было? Теперь она уже сама не знала. Но помнила, как однажды поняла: из всех эмоций наиболее привычная для Стивена – неодобрение. О, это узкое лицо оказалось выразительнее, чем она догадывалась. Этот человек весь так и корчился от фразы «не надо упрощать», он не допускал, чтобы звучащий повсюду припев песенки «Брожу и дивлюсь» его растрогал, потому что, видите ли, это грамматически неточно – «люди вроде как ты и я». «Куда все это ведет?» – то и дело вопрошал он, и чаще всего этот вопрос теперь был обращен к Битси: его возмущала ее манера тянуть время, небрежное ведение хозяйства, легкомысленное отношение к учебе. Весь мир, казалось ему, катится по наклонной плоскости ко все более низким стандартам, и при этой мысли Стивен морщился и передергивался, откашливался нервно и зловеще, в свою очередь доводя Битси до иступления.

Да, верно, бывают недостатки и пострашнее. Одного этого недостаточно для развода. Но ведь они поженились, не зная друг друга по-настоящему, – они просто приятельствовали до свадьбы, с опозданием осознала Битси. Их очаровал сам образ идеальной пары, послушные дети изо всех сил старались угодить родителям – и они четыре года провели в разных концах кампуса, уж не затем ли, чтобы не позволить себе разобраться, как мало друг другу подходят. (Да ведь их, фактически, родители и сосватали заранее. И чем это так уж отличается от судьбы Мариам Яздан? Может быть, Мариам даже больше повезло. Битси хотелось бы расспросить ее.)

Словом, явился искренний, всем довольный, компанейский Брэд с пушистыми волосами, широкой улыбкой и безусловной верой в то, что лучше Битси никого на свете нет. Они познакомились на университетском митинге сторонников Джона Андерсона[3 - Джон Андерсон (1922–2017) – политик-республиканец, в 1980-м баллотировался на пост президента США как независимый кандидат, поддерживаемый Лигой женщин-избирателей.]: Битси яростно билась за Андерсона, а Брэд собирался голосовать за Картера, но еще не решился окончательно. Она принялась его урезонивать, потом отправилась пить с ним кофе – чтобы доспорить. Он ловил каждое ее слово. Появились новые предложения для встречи. (Проголосовать за независимого кандидата – не значит ли слить свой голос? А? Что она думает на этот счет, если честно?) Никогда Битси не встречала такого доверчивого человека. Даже то, что могло бы раздражать других – восторженность, намечающийся пивной животик, – лишь умиляло ее.

Всякий раз, когда они встречались на людях, в ней разгоралось опасение, как бы Брэду не приглянулась другая женщина. Да и как иначе? Она понимала, что сама-то не красавица. Девушка за стойкой в их любимой кофейне, к примеру, куда грудастее, и мало того – намного мягче, можно сказать, податливее. И главное – одинокая! Подливая им кофе, официантка сказала: «Я целиком и абсолютно выдохлась», и Битси почувствовала мстительное удовлетворение – такая избыточная конструкция, так невежественно звучит, «целиком и абсолютно», подумать только! – но тут же сообразила, что Брэд и внимания не обратил. Он начисто был лишен способности кого-либо критиковать. Но не было в том ничего страшного, ведь глядел он все равно на одну только Битси. Его голубые глаза были того же оттенка, что одеяльце для новорожденного, – чистые и кроткие.

Она сказала, что ее брак уже много месяцев как распался, сказала, чтобы он и в голову это не брал. Она стала бесстыжей, беспощадной, зациклилась на своей

цели и не ведала угрызений совести. Провела ночь в его пропахшей потными носками холостяцкой квартире и даже не потрудились выдумать алиби для Стивена. А когда Брэд получил место преподавателя в Балтиморе, она бросила свои курсы и никогда больше не заглядывала в Колледж-парк.

Разумеется, родители, и ее, и Стивена, пришли в ужас от таких вестей. Больше, чем сам Стивен, – он-то, похоже, ощутил облегчение. Но родители поверить не могли, что идеальный брак оказался пшиком. Пытались свести все к «притирке» (это через год-то после свадьбы). Мать наедине допросила Битси: знает ли она, как важна, как бесконечно важна интеллектуальная совместимость в браке? А родители Брэда – право, о них лучше вспоминать пореже! Понятное дело, они решили, что сын сошел с ума. Нескладная, неуклюжая, да еще замужем и на год его старше, с нелепыми политическими взглядами! Дональдсоны голосовали за республиканцев и жили в Гилфорде. Встречаясь с родителями Битси, они и поныне разевали рты, набирали в легкие побольше воздуха – и не могли отыскать ни единой темы, какую можно обсудить с подобными людьми.

Битси надеялась, что напряжение спадет, когда родители Брэда увидят внуков. Но внуков все не было (еще одно очко не в пользу Битси). Пятнадцать лет она билась, пытаясь забеременеть, пока другие женщины, безмятежно-счастливые, рассекали по супермаркетам с тележками, откуда дети чуть не вываливались.

Она прошла все мыслимые обследования и жестокие медицинские процедуры, и не раз на кончике языка у нее вертелся вопрос: «Неужели это моя вина? Не просто особенность моего тела, а моя природа? Не хватает мягкости, не хватает восприимчивости – ведь я бросила первого мужа без малейших угрызений совести».

Абсурд, разумеется. И ведь как хорошо все обернулось в итоге! Теперь у них есть драгоценная Джин-Хо, самая идеальная дочь, какую только можно вообразить. К тому же ребенок, нуждавшийся в помощи, – возможность сотворить в этом мире добро. Вспоминая прибытие Джин-Хо, Битси чувствовала: то была не первая встреча. Джин-Хо была им суждена, и бесплодие – часть плана, условие для обретения истинной дочери. О, это ты! Добро пожаловать домой! – мысленно сказала Битси, впервые увидев это личико, и простерла руки навстречу.

Но конечно, никто не поймет, если она предложит называть это праздником Воссоединения.

Два брата Битси были ее моложе, но дети у них уже большие (прежде она завидовала немного). У Мака и Лоры сын-подросток, гений со справкой, чудной, неспособный адаптироваться в обществе, и пугающе сексуальная белокурая дочурка десяти лет. У Эйба с Джанин три девочки, восьми, девяти и одиннадцати лет, настолько схожие и обликом, и темпераментом, что их можно принять за тройняшек. Бедный Брэд даже в их именах вечно путается.

В день праздника братья с семьями прибыли первыми, за полчаса до назначенного часа, обе машины одна за другой припарковались перед домом, словно так и ехали вместе, хотя жили в противоположных сторонах. Сначала Битси рассердилась – она возилась с Джин-Хо, упаковывая ее в корейский костюмчик, кофемашину еще не включили, торт на стол не водрузили. А потом задумалась, нет ли у них на уме какого-то дела. Невестки с непривычным проворством спровадили детей в комнату с телевизором, и как только взрослые устроились в гостиной, Эйб (младший из братьев) стал выразительно поглядывать на старшего. Битси же не спешила им на помощь, на то у нее имелись некоторые смутные причины. Более того, когда Мак произнес: «Итак! Ну вот. Раз уж мы тут собрались...» – Битси почувствовала внезапное желание его отвлечь и быстро сказала:

– Знаете, что я делала сегодня утром?

Все уставились на нее.

– Слушала аудиозапись того дня, в аэропорту. Подумать только, целый год прошел. Я говорю в микрофон, торжественно объявляю: «Все собрались здесь, все принесли подарки. Вот Мак и Лора, Эйб и Джанин». (На самом деле тогда она имен не перечисляла, это сейчас пыталась поинтереснее все изобразить.) Голос у меня испуганный, дрожит. Что правда, то правда: я была напугана до смерти. Все спрашивала себя: а вдруг не сумею отогреть это дитя? Что, если... ну да, мы уже видели фотографию, уже знали, какая она красавица, но вдруг вживую она окажется неприятной, даже отталкивающей? Всякое бывает, сами знаете. Разумеется, в этом никто не признается. Посмотрите хотя бы на Сьюзен. Милая, конечно, и все же я частенько думаю: наверное, Язданы самую чуточку были разочарованы, когда увидели, насколько она заурядна. Желтая кожа, лысый лоб. Потом, само собой, они ее полюбили, и я не хочу сказать, что мы бы не полюбили такого ребенка, и все же... Ох, я в тот вечер была на грани срыва! Это и по

голосу слышно. А потом я говорю: «О, вот она! О, какая красавица!» – и такой стук раздаётся, это, кажется, я уронила диктофон...

– А давай поставим эту запись сегодня на празднике! – воодушевился Брэд.

– Ну не знаю, боюсь, я почувствую себя дурой, если ее будут слушать другие люди.

– О, лапочка, почему же дурой? Это так мило.

– Битси! – решительно вступила Лора (она была директором школы и привыкла брать ответственность на себя). – Нужно поговорить о твоих родителях.

– О моих родителях?

Лора взглядом передала пас Маку. Тот выпрямился и произнес:

– Именно. О маме и папе. Наверное, не надо тебе объяснять, что маме становится все хуже.

– Уж конечно, не стоит объяснять это мне!

Братья и их жены, по мнению Битси, не проявляли достаточного внимания. Особенно гневным взглядом Битси наградила Джанин, которая однажды отказалась везти Конни на химиотерапию, потому что младшенькая ждала в тот день в гости подругу.

– И ты сама видишь, сколько сил уходит у папы, – гнул свое Мак. – Лето было достаточно скверное, а в сентябре начнется школьный год, и я вовсе не понимаю, как он будет справляться. Он заговорил насчет досрочной пенсии, но он же так любит преподавать. Ужасно будет, если он бросит школу как раз тогда... перед тем как ему придется думать, чем заполнить свои дни, ты понимаешь? Мы решили, что ему следует нанять для мамы сиделку.

– О! – пробормотала Битси. Какое облегчение! Она-то страшилась, что они предложат ей самой ухаживать за мамой или даже перевезти маму к себе.

– Но они оба воспротивятся. Папа скажет, что хочет сам ухаживать за мамой, мама скажет, что ей вовсе не нужна помощь.

– Она ужасно упряма! – взорвалась Лора. – Неужели она не видит, как сама же все усложняет? Не поддаваться слабости – это все прекрасно, очень отважно и героично, только в реальной жизни от этого можно сойти с ума. Вечно устраивает проблемы, которые сама не может решить, отказывается от ходунков и даже от трости, непременно хочет побывать в ресторане, где до туалета сто миль и три лестничных пролета...

Битси прекрасно знала, о чем речь, но слышать это от невестки, даже не от настоящей родственницы – такая уверенная и профессиональная, оправа «кошачий глаз», брючный костюм, жакет с прямыми плечами, – было оскорбительно.

– Ох, Лора! – вздохнула она. – Кто знает, как мы сами поведем себя в подобной ситуации?

– Хочется верить, что мы примем ее со смирением! – рявкнула в ответ Лора. Муж глянул на нее предостерегающе.

Эйб явно разволновался, но Лора в его сторону и не смотрела.

– Так что? – дожимала она Битси. – Мы пришли к решению? Найдем сиделку?

– Помощницу, – автоматически поправила Битси.

– Прости, не поняла?

– Теперь этих людей называют помощниками.

– Круглосуточную, ты согласна? Чтобы ваш отец не вскакивал по ночам.

– Сколько это может стоить? – спросил Брэд. – То есть мы, разумеется, согласны, ведь так, Битси? Но не обойдется ли это нам в целое состояние?

– Не обойдется, если мы все сложимся, – ответила Лора.

Все посмотрели на Битси.

Она сказала:

- Да, разумеется, мы в доле. Но едва ли они примут от нас помощь, да и не в деньгах проблема. Папа, конечно же, зарабатывает достаточно.

- Да, но предложить деньги – это способ начать разговор, – растолковала ей Лора. – Вот как нужно подступиться: попроси сделать это ради тебя. Скажи, ты ночами не спишь, беспокоишься, тебе станет легче, если ты вместе с братьями будешь оплачивать помощницу.

- Я? – переспросила Битси. – Я должна к нему подступиться? А вы все?

- Ну, мы, естественно, тебя поддержим...

- Поддержите меня?

Но тут забренчал дверной звонок, и Битси вскочила, обрадовавшись отсрочке. Это же праздник! Вечеринка в честь Джин-Хо! А малышку запихали в комнату с телевизором, и взрослые, едва поздоровавшись, укрылись для своих секретных переговоров.

На крыльце стояли родители Зибы – мистер и миссис Хакими в официальных черных нарядах, улыбки до ушей. Миссис Хакими молча протянула огромный, роскошно упакованный сверток – вопреки четким инструкциям подарки не приносить, – а мистер Хакими воскликнул:

- Поздравляю, Дональдсон!

Такие экзотичные, благословенно далекие от скрипуче-скрежещущего разговора в гостиной.

- О, как я вам рада! – ответила Битси и напомнила: – Зовите меня, пожалуйста, Битси, – и приняла подарок, и поцеловала миссис Хакими в щеку.

Щека была на ощупь словно старый бархатный кошелек. А обтянутая пергаментной кожей голова мистера Хаками – как старинный глобус. Гости вошли в дом, уважительно поглядывая по сторонам, хотя пол был усыпан игрушками, а доставленная вчера упаковка подгузников так и торчала у вешалки.

– Какой день! Какой радостный день! – провозгласил мистер Хаками в дверях гостиной.

Это сработало, словно театральная ремарка: мужчины тут же поднялись, нацепили улыбки, невестки засуетились, дети оторвались от телевизора, требуя немедленного угощения. В дверь звонили непрерывно: Язданы вместе с Мариам, родители Брэда и самые последние – родители Битси; мама сегодня вполне бодрая, крепко держится на ногах, и праздник наконец-то в самом деле стал праздником.

Почему Битси так привязалась к Сами и Зибе? У них было мало общего, кроме дочек. Язданы были намного моложе, порой даже казалось, что они чересчур молоды. Сами отличался присущей очень юным людям манерой принимать себя слишком всерьез – может, в этом как раз проявлялось его иноземное происхождение, ведь хотя говорил он с типичным балтиморским акцентом, умышленная, даже усердная небрежность манер выдавала в нем неамериканца. А Зиба, с тщательно ухоженными ногтями, темно-красным маникюром, волосами, выкрашенными хной, двуцветной помадой, – сама Битси подобными пустяками не заморачивалась уже много лет. Да и в молодости тоже.

Даже к воспитанию дочери Язданы подходили совсем иначе. Вообразите – изменить очаровательное имя Соуки, часть ее культурной идентичности, на простецкое Сьюзен, еще и рифмуется, Сьюзен Язден («Яздан», – поправила ее Зиба, когда Битси вслух усомнилась, хорошо ли это звучит. Пусть так, и все же...). А уж наряд, в котором Сьюзен прибыла на этот раз, – платье из тех, что бабушка покупает ей в Вашингтоне. Сагусам, который одолжила ей Битси, уже валяется на диване, только дали всем полюбоваться – и сразу же сняли. Да и в целом их философия детоводства: работающая мать, сон по расписанию, напевные интонации и сюсюкание – «Сью-Сью-Сью! Сьуджан!», словно ребенок принадлежит к иному, не столь разумному подвиду человечества...

И все же Битси вспоминала о них в первую очередь всякий раз, когда ей хотелось с кем-то пообщаться: «Позвоним Язданам, узнаем, какие у них планы!» – и Брэд, похоже, был с ней в этом заодно. Возможно, причина в их мягкости – они были так уступчивы, готовы во всем идти навстречу, люди без острых углов. (В это описание Битси не включала Мариам, та порой вела себя заносчиво.) А еще... что ж, ведь женщины, родившие детей, составляют своего рода сестринство: сначала разговоры про результаты УЗИ, потом о боли при родах, затем о кормлении грудью. Среди знакомых Битси ни у кого не было приемного ребенка, так уж вышло. Все поддерживали ее решение удочерить, все вели себя в высшей степени деликатно, однако она чувствовала: в глубине души все считают усыновление второсортным вариантом родительства. О, этот праздник Прибытия скрывал немало ее тайных обид и ран. Вероятно, Сами и Зиба тоже через такое прошли.

Зиба однажды ей призналась: родители считают, что у кого дети не получаются, тому и не следует обзаводиться детьми, поскольку им, значит, это не суждено. «Рок!» – сказала Зиба со смехом, но Битси не засмеялась в ответ. Она склонилась к Зибе и накрыла ее руку своей ладонью. Зиба чуть не заплакала.

И вот две маленькие девочки смеются, катаются по ковру в столовой. Недавно они стали друг друга замечать, начали играть вместе, а не просто рядом. Сами расспрашивал Брэда, как ему новая «хонда сивик», Зиба помогала Битси подать на стол. У них сложилась традиция – чай всегда заваривала Зиба. Битси не верила, что Язданы чувствуют вкус бумажного пакетика, но Зиба уверяла, что это ужасно, и Битси теперь держала в буфете пачку листового чая, причем регулярно ее заменяла, потому что Язданы ведь могут уловить и вкус старого чая. Этот листовой чай Зиба непременно заваривала собственноручно, сооружая опасную на вид башню – заварочный чайник на перевернутой крышке большого – и периодически заглядывая в чайничек и принохиваясь, не дали ли уже листья искомый «распаренный аромат». Джанин и Лору ее манипуляции повергли в транс. Они прилипли к плите, всем мешали пройти, непрерывно задавали вопросы: «Неужели нет способа попроще? Это как-то слегка... искусственно. Почему нельзя просто бросить листья в большой чайник, – удивлялись они. – Исключить лишнее звено из операции?» Зиба только улыбалась в ответ. Битси втайне гордилась, словно ей была ведома одна из тайн Язданов.

Единственному мальчику, Линвуду, поручили зажечь свечу на торте. Битси решила, что это поможет «вовлечь» его, – такое неуклюжее создание, кадык да торчащие локти-колени, очки с толстыми замусленными стеклами, волосы

слишком коротко обкорнали. Но, подойдя к столу, парень залился темной краской, а когда ему все же удалось зажечь спичку, он ухитрился ее выронить в тот самый момент, когда наклонился над тортом. Отец Битси, оказавшийся ближе других, прихлопнул огонек одной рукой и промолвил: «Все в порядке», хотя это было не совсем так – на скатерти появилась черная прожженная точка; Битси такие мелочи не волновали, но три дочери Эйба заверещали, словно их кузен дом поджег.

– Боже, Линвуд, ну ты и придурок, – сказала ему сестра, встряхнув чересчур взрослой гривой светлых волос, на что Лора строго заметила:

– Достаточно уже, юная мисс, помолчите, пожалуйста.

Линвуд развернулся и попытался вслепую, головой вперед, пробиться сквозь толпу обступивших стол родичей. Еле-еле уговорили его на вторую попытку.

Тем временем Брэд сидел на кухне с Джин-Хо и Сьюзен, ожидая сигнальной мелодии, чтобы войти. Девочки никак не могли понять, в чем дело. Битси слышала голос Сьюзен: «Мама? Мама?»

– Зажигай уже чертову свечу, Линвуд! – потребовал Мак, и Лора вздохнула: «Мак!» Линвуд чиркнул спичкой, и свеча сразу же загорелась. Как удачно, что всего одна. Битси втайне прикидывала – на следующий год, когда будет две свечи, уже и девочки подрастут, справятся сами (разумеется, под наблюдением старших).

– Внимание все! – предупредила Битси и запела: – Они едут из-за гор, они едут из-за гор!

До последней минуты она все искала более подходящую по словам песню, должна же найтись какая-нибудь ария о долгожданном прибытии. В «Мессии» точно есть, но это казалось кощунством. В итоге ничего не обнаружилось, а эту песню дети, по крайней мере, знали. И взрослые (за исключением приветливо улыбавшихся Хакими) подхватили первую строку, даже Линвуд что-то мямлил, и тут Брэд открыл дверь:

– Ура! Они здесь!

Обе девочки – Джин-Хо, ослепительно прекрасная в красно-голубом сатиновом наряде, Сьюзен в розовой кисее – цеплялись за его штаны, вид растерянный.

– Мы все готовы встретить их, как только они приедут, – заливалась Битси. – Иди ко мне, солнышко! – позвала она Джин-Хо. – Иди к нам, Сьюзен! Видите, какой у вас торт?

Торт был очень красивый, огромные звезды и полосы.

– Продавщица в кондитерской решила, что мы как-то поздно вато отмечаем День независимости, – сказал Брэд Сами. Оба подхватили дочерей на руки и показывали им стол.

Эйб подошел ближе, нацелил камеру.

– Войди в кадр, – велел он Битси. – И вы, Зибба, тоже. Отлично, а теперь все вместе – улыбочку!

Все улыбнулись (кроме девочек, все так же смотревших растерянно), и полыхнула вспышка.

– Мы поручим кузену и кузинам задуть свечу, – объявила Битси. – Девочки еще слишком малы, мне кажется. И если ты, Джанин, нальешь чай, а Лора предложит желающим кофе, а Пэт нарежет торт...

Редкий случай: Битси решила не делать все на свете сама. Она отмечала важнейшую в своей жизни дату (да, важнее даже, чем годовщина свадьбы) и хотела сполна этим праздником насладиться.

Линвуд, предсказуемо, от участия в задувании свечи уклонился, но четыре кузины с восторгом приняли участие в забаве, толкая друг друга и хохоча, и кое-как, скорее случайно, свечу удалось погасить. Затем мать Брэда нарезала торт аккуратными маленькими квадратиками, отец Битси принялся их раздавать. Он начал со своей жены – возможно, по привычке о ней заботиться, – но она в последнее время почти не могла есть и от этого угощения тоже отмахнулась. Она сидела на стуле с высокой спинкой, все прочие сбились в небольшие группы, кому с кем приятнее, и только Мариам тоже взяла стул и села рядом с

Конни.

– Пожалуй, сейчас в самый раз выпить чаю, – донесся до Битси ее голос и ответ Конни:

– Да, знаете, я тоже так думаю.

Мариам поставила перед Конни свою чашку и обернулась к Джанин за другой. Битси улыбнулась ей с благодарностью – возможно, Мариам этого не заметила. Она была в одном из тех сверхстильных костюмов, которые так любила, – облегающие ноги белые слаксы и черный топ с высокой горловиной, выставляющий напоказ загорелые руки, – но вдруг Мариам показалась Битси куда приятнее, чем прежде.

Двоюродные сестры Джин-Хо таскали малышей туда-сюда, словно гигантских кукол. Линвуд забился в угол и жадно поглощал торт. Мужчины заговорили о бейсболе, Пэт и две невестки Битси излишне суетились, угощая всех. Только Зиба и ее родители словно держались в стороне. Битси направилась к ним.

– У вас есть чай? – спросила она Хакими, хотя у обоих имелись и чашки и блюда. – Торт попробуете?

Миссис Хакими улыбнулась шире прежнего, а мистер Хакими сказал:

– Так любезно с вашей стороны, миссис Дональдсон...

– Битси! – в сто первый раз поправила она. К тому же она сохранила девичью фамилию, но сейчас указывать на такие подробности было неуместно.

– Мы с миссис Хакими талию бережем, – сказал мистер Хакими и похлопал себя по животу, который и правда стоило бы убавить, – зато его супруга обладала той приземистой, уютной фигурой, при которой считать калории – напрасное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Разновидность чайника, предназначен для выпаривания воды, используется для приготовления кофе. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Международная некоммерческая организация, предлагающая пенсионерам недорогие краткосрочные курсы, обычно в университетских кампусах, с размещением и питанием.

3

Джон Андерсон (1922–2017) – политик-республиканец, в 1980-м баллотировался на пост президента США как независимый кандидат, поддерживаемый Лигой женщин-избирателей.

Купить: <https://telnovel.com/ru/enn-tayler/udocheryaya-ameriku>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)